

ИРИНА Котова

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ-13
ЧАСТЬ II

ВРЕМЕННАЯ ОБЛОЖКА

Королевская кровь

Ирина Котова

Королевская кровь – 13. Часть 2

«Котова Ирина »

2025

Котова И. В.

Королевская кровь – 13. Часть 2 / И. В. Котова — «Котова Ирина», 2025 — (Королевская кровь)

Над Турой навсегда зависла черная луна. Война закончилась, но остались те, кому еще предстоят свои бои. Восстановить разрушенную страну и принять свое предназначение. Поспорить с судьбой или победить страх. Привести в этот мир детей или исполнить обещанное. И жить дальше, несмотря на потери и боль. Где есть любовь – всегда есть надежда, так говорит богиня. Осталось проверить, так ли это на самом деле.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ирина Котова

Королевская кровь – 13. Часть 2

Глава 1

13 мая, Бермонт

С полуночи тих был замок Бермонт, насторожен и тревожен, как большой пес. Пахло в его коридорах хвойным дымом и травой, паром и кровью, а еще надеждой: то во внутреннем дворе варил шаман Тайкахе на большом костре темное варево, и к следующей ночи в котле должно было остаться зелья не больше плоски.

Варил он и выпевал наговоры на долгую жизнь, здоровье и плодovitость, и в нужное время подливал настоев – для пущей связи с землей, для огня в меру, ибо в той, для кого он варил зелье, и так огня было с лихвой, для равновесия и гармонии. Мешал он стихии, а маленькие духи кружились вокруг него в воздухе и на земле. И даже в пруду, в который выходила водяная жила, то и дело выныривали малыши-иктосы, выглядевшие как серебристые рыбки. Замоквые варранты не желали спать спокойно и то и дело отделялись от стен замка и тяжело ступали ко двору, принося с собой запах мхов и старого камня. Да и сам замок слушал песни шамана и поддерживающе ворчал-вибрировал.

Демьян Бермонт не спешил окорачивать растревоженных духов, хотя мог вернуть их на место одним мысленным приказом. В полночь они с Полиной дали своей крови для зелья, и Тайкахе, уже разжегший большой костер, велел им ложиться спать. А чтоб заснули, налил королевской чете настоя из семидесяти семи трав, который вкупе с гортанным пением шамана и усыпил их.

Полина была взбудоражена, а ее глаза сверкали такой надеждой, что Демьян вновь ощутил, как вина вспарывает его сердце, заставляя сжиматься и каменеть. Он, обернувшись медведем и подождав, пока обернется супруга, грел ее, молясь об успехе предстоящего обряда и отцу своему, и всем богам, пока она не задремала. И только потом уже заснул сам.

– Что будет, если не сработает обряд? – спросил он шамана накануне утром. Демьян до пробуждения Полины в полдень успевал переделать множество дел – и неизменно приходил в шатер Тайкахе на площади, сам приносил ему еды и питья и смотрел, как шаман загоняет себе в руку иглы. За это, за то, что Тайкахе помог Поле, помог ему и взял на себя самую долгую боль, Демьян готов был до конца жизни носить ему дары и служить как сын. Но старик был чужд власти и ничего сверх нужного не просил.

– Эйх, эйх. Вспять все обернется, медвежий сын, – проскрипел Тайкахе неохотно, вытаскивая изо рта маленькую трубку. – Ежели нашей силы, силы якорей не достанет, то с каждым днем все дольше она будет оставаться медведицей, пока не вернется вновь в дикое состояние. Но не должно быть такого, медвежий сын, я свое дело знаю. А уж если и случится так, что рок ее окажется сильнее якорей, так снова игл, пришивающих ее к миру, сделаю, да всем сестрам ее раздам. Вон их сколько, они и так друг друга держат, а уж с иглами и подавно управятся. Эйх, эйх, – он вздохнул еще несколько раз. – Но недоброе то дело будет, медвежий сын, ой недоброе. Все они сейчас не готовы.

Демьян кивнул. Он это понимал. А Тайкахе продолжал неспешно перечислять, вдыхая и выдыхая дым из трубки колечками и арками.

– Старшая мужа держит, который страну питает, вторая сама своей стране огня отдает, третьей рожать через несколько месяцев, пятая слабая совсем, игла из нее дух выбьет, а шестая и вовсе дитя. Они-то конечно возьмут на себя этот груз, как и мы с тобой возьмем, медвежий

сын, да и отец ее возьмет. Но вернее бы нам того не допустить. Посему все силы я в обряд слияния тела с душой волью, чтоб боль не преумножать.

Проснулся Демьян от касания Тайкахе на рассвете. Горел костер, парил котел, над которым виден был водоворот стихий, находились вокруг множество духов, легко проникающих сквозь погодный купол, а зелье в котле большим черпаком невозмутимо мешал медведь-варронт, по каменной шкуре которого стекали капельки конденсата.

– До того, как солнце взойдет, ты должен уйти отсюда, – тихо проговорил шаман. Он уже был вымотан, с блестящими от стимулирующих трав глазами и расширенными значками, побледневший, в испарине, а ведь предстояло ему мешать зелье еще много часов. – Вернись сразу после полуночи, король-медведь, и приведи с собой всю ее кровь. И сюда пусть никто не заходит. Она до полуночи не проснется, а после будить будем.

Демьян ласково лизнул Полину в торчащее над толстенькой щекой ухо, вдохнул ее звериный запах, разлившийся манкой нежностью по телу, и, отодвинувшись, обернулся. А затем, накинув гьелхт, подождал, пока Тайкахе, глядя на то, как высвечивает шпиль замка поднимающееся солнце, всадил себе в руку последнюю иглу. Всадил и пошатнулся, да так, что Демьяну пришлось подхватить его.

А затем, когда шаман отдышался, король пошел на выход, туда, где за тяжелыми дверями ждали его гвардейцы и слуги. И замок ждал – вибрировал под ступнями, отзывался на одобрительные похлопывания по стенам, зелеными волнами родной стихии окутывал лодыжки. Замок был единственным существом, кроме самой Полины, которое видело и помнило все, что происходило в ту ночь – как и в тысячи ночей и дней с незапамятных времен. С того дня, когда Михаил Бермонт заложил первый камень замка на этой старой скале, уходящей корнем в недра, полив ее своей кровью и пробудив к жизни мощного духа, который и стал живой основой дома Бермонтов.

Демьян лишь после возвращения из Нижнего мира нашел в себе смелость попросить замкового духа показать ему то, что не помнил он сам из свадебной ночи и последующих дней, когда лежал в стазисе. И то, что он увидел – как Полина защищала его, как боролась, – наполнило его сердце не только болью, но и бесконечным восхищением.

Все же она была младше его и взбалмошной, и баловал он ее как ребенка, и любил, как прекрасную смелую женщину, но, пожалуй, только сейчас понял, что она с ее огнем вполне могла бы стать во главе страны, а при должном образовании – и повести за собой армию.

Увидел он и то, как Ангелина Рудлог яростно отговаривала Владыку Нории от проведения обряда, но эта сцена не вызвала в нем раздражения, только понимание. Будь его воля, он бы Полину к обряду тоже не подпустил.

Только вот когда ей можно было запретить делать что-то, что она считала важным и правильным?

Демьян ушел работать, оставив Полю спать рядом с сплетающим в котел стихии шаманом. Страна требовала восстановления, и король зарылся в отчеты с головой. Работа стала тем, что помогло пережить этот день, и он, сидя за бумагами, обедая с матушкой, принимая отчеты министра чрезвычайных ситуаций, слушал вибрации замка и едва удерживался, чтобы не посмотреть на происходящее во внутреннем дворе его глазами.

А вдруг Тайкахе не выдержит и рухнет без сил? А вдруг ему нужна помощь, но он не в состоянии позвать? Он стар и немощен, справится ли?

Демьян ощущал выступившие клыки и видел заострившиеся ногти, понимал, что поданные опускают головы под его звериным взглядом, и ничего не мог сделать. Кроме как пойти в часовню под замком и еще раз, встав на колени перед первопредком, просить его подсобить, приглядеть сегодня ночью, чтобы все прошло хорошо.

«Иногда твое упрямство вредно, сын мой, – услышал он рык-ответ после своей просьбы. – Но сейчас оно на пользу. Будь спокоен, на своей земле пригляжусь за обрядом, да и Красный приглядит – попрошу его, ведь дочь его».

«Не надо меня просить, – услышал Демьян ворчливое. – Сын твой воинской доблестью заслужил мое внимание. Постояю рядом с тобой сегодня, брат, и если только не вмешается судьба, вновь станет цельной нить жизни моей дочери».

– Благодарю, отец, – поклонился его величество. – И тебе спасибо, отец всех воинов.

Не сказать, чтобы спокойнее стало на душе у него. Но Демьян понимал, что он сделал все, что мог. Всех, кого надо, пригласил. Оставалось только ждать, вдыхать запах костра и хвои и слушать вибрации замка.

Ему доложили, что к вечеру под стенами замка стали собираться те линдморы, кто участвовал тогда, в декабре, в мятеже, были обращены в медведей и кровью заплатили за право доказать свою верность короне.

Был среди них и Ольрен Ровент, который вернулся из Дармоншира на побывку с другими берманами несколько дней назад. Демьян, занятый делами страны, дал ему сутки на отдых, а затем приказал доложить о положении в Инляндии.

– Позволишь ли ты мне принести дары моей королеве? – спросил его тогда Ровент, и Бермонт позволил. Берманы не любили копить долги, а Ровент Полине действительно многое задолжал.

К вечеру того же дня телепорт-почта была полна писем от бывших опальных линдморов с просьбами присоединиться к Ровенту и тоже возложить к ногам королевы свои дары.

Демьян не стал отказывать.

– Тебе будет и полезно, и приятно узнать, какую мощь ты можешь поднять одним велением, – сказал он Полине, когда она зачитала письма. – Так одно решение может превратить врагов в союзников, Поля.

Дело было уже около полуночи, и за окнами было тепло и темно, а они сидели в большом кресле в общих покоях, столько видевших – и их первую встречу, и все, что происходило дальше. Поля разместилась у супруга на коленях, задрав длинную юбку платья, поджав ноги, и он мерно поглаживал ее по спине, наслаждаясь покоем и мягкостью этого вечера.

– Но ведь это ты наказал, а потом простил их, – сказала Полина. И пояснила: – Сила-то в твоих руках. Или лапах, – и она взяла его ладонь и потерлась об нее щекой.

Он усмехнулся.

– Они знают, что я никогда бы не простил их, потому что это означало бы слабость, Поля, – супруга целовала его пальцы, и тело вновь, как всегда, когда она играла с ним, стало наливать желанием. – Но в то же время у нас не считается слабостью исполнить просьбу супруги, потому что жена важнее силы. Так что ты была их единственной надеждой. Ну еще матушка, но матушка строга и против моего слова бы не пошла.

На следующий день прошла большая аудиенция в том самом зале, где состоялись свадебные бои. Линдморы в присутствии своих семей кланялись королеве дарами и благодарили за милость. Полина, одетая в зеленое платье, с короткими волосами, едва позволившими наметить две косы вокруг головы (все знали, что она пожертвовала их медведице-Статье и дала ей силы биться с богом-чужаком, и это сделало образ королевы еще более легендарным), величественно принимала и подарки, и благодарности, и в свою очередь благодарила за службу.

Демьян, восседающий рядом с Полиной на троне, в основном молчал – не его это было чествование – и гордился ею. А Полина, как положено, рассматривала дары, перебрывалась с линдморами одобрительными фразами и возвращалась на тронный помост.

Ровент был последним. Он тоже в присутствии своих сыновей и дочерей торжественно поклонился королеве. Полина смотрела на него с любопытством ребенка, которому показывают представление.

– Мой долг перед тобой неоплатен, моя королева, – проговорил линдмор. – Благодаря твоей милости род Ровент смог послужить Бермонту. И я подтверждаю, что не будет у тебя вернее бермана и линдморского дома, и дети мои, и дети детей будут служить тебе. А в знак моего почтения и верности прими, прошу, дары моей земли.

И в заполненный уже подарками зал по его знаку стали вносить драгоценности и ткани, ковры и гобелены. Остальные линдморы, во главе семей стоявшие по кругу, ревниво наблюдали за подношениями – не переплюнул ли кто-то другого.

Демьян смотрел на это с каменным лицом – Ровент, будучи тем еще гордецом, как и другие линдморы, так отдавал виру Полине, признавая, что она имеет на нее право. И Полина, конечно, не понимала этого – но откажись сейчас, и баронам пришлось бы придумывать что-то еще.

Но Полина и не собиралась отказываться.

– Красиво, – сказала она, спускаясь с тронного помоста. Обошла слуг, держащих дары, полюбовалась серебряным традиционным женским поясом из круглых блях, украшенных орнаментом и крупными изумрудами, погладила ковры, рассмотрела искусные гобелены со сценками из жизни простых берманов.

– Всем ли ты довольна, моя королева? – с заметным облегчением, что легко отделался, спросил Ровент.

– Всем, – подтвердила Полина. – И тем, что ты несешь службу в войске мужа моей сестры, тоже. Я не забуду этого, – пообещала она, и Ровент склонил голову. – Но знаешь, Ольрен Ровент, мы сейчас планируем для женских отрядов со всего Бермонта первые учения после трех месяцев обучения. И думаем, в каком бы из линдов эти учения провести...

Демьян удержал улыбку только потому, что его с детства учили этому. Остальные линдморы едва заметно выдохнули – что не им выпала такая радость. А вот Ровент скрипнул зубами.

– Линд Ровент с радостью и благодарностью примет первые учения, – прорычал он через силу. И воздел глаза к небу: мол, видишь, отец, на что мне приходится идти? – Ты знаешь, что я меньше, чем через неделю возвращаюсь в Инляндию, но все распоряжения оставлю моему наследнику.

– Вот и славно, – благосклонно проговорила Полина. – Рада, что ты так ратуешь за прогресс, барон Ровент. А еще, я слышала, что в линде Ровент производят лучшие в Бермонте винтовки? Что же ты не привез мне их в дар?

Лицо Ровента приняло непередаваемое выражение. Зал затих.

– Как же не привез? Привез, моя королева, памятуя о твоей меткости, – почти по-отечески прорычал он и торжествующе обвел зал взглядом: мол, ну что? Вы не угадали, а я угадал! – Хотел порадовать тебя в конце встречи.

В зал внесли с десятков винтовок в футлярах – которые удостоились куда более пристального, длительного и восхищенного внимания королевы, чем драгоценности. И ревнивых переглядываний других линдморов, не догадавшихся, что по-настоящему порадует ее величество.

В какой-то момент Демьян поймал взгляд бывшего опального барона. И было в том взгляде настоящее мужское сочувствие, впрочем, быстро сменившееся на почтение. Ровент давно научился видеть берега и несмотря на то, что сполна заслужил вхождение в ближний круг Демьяна, знал, куда совать медвежий нос не стоит.

После окончания аудиенции Ровент явился на отчет в кабинет к Бермонту. И там, стоя посреди кабинета, уже по-военному четко и быстро доложил о положении дел в Инляндии, о том, какие силы нужно туда прислать и какого вооружения добавить.

– Ты можешь не идти туда больше, – напомнил ему Демьян. – Ты сполна отработал свой проступок, Ровент. Я доволен тобой. Ты будешь награжден.

– Ты запрещаешь, мой король? – буркнул барон.

– Нет, – усмехнулся Демьян. – Если ты хочешь вернуться.

– Хочу, – ответил Ровент. – Много там чего требует моего внимания, не хочу... оставлять без присмотра.

– А кто же будет работать на благо Бермонта? – строго спросил его величество. Впрочем, в его голосе было достаточно благосклонности, чтобы барон не принял это за чистую монету.

– Пусть сын мой и дальше работает, – проворчал он. – Не зря ж в университете учился, не зря я его натаскивал столько лет. Я уж двадцать лет на посту, мой король. В кои-то века появилась возможность размяться по-настоящему. Закончится война и вновь вернусь сюда. А там... есть ради чего биться.

Его величество заминку заметил.

– Есть что-то, что ты хочешь сообщить мне, Ровент? – поинтересовался он.

И барон помотал головой.

– Не хочу спугнуть болтовней птицу судьбы, – ответил он и едва заметно усмехнулся каким-то своим мыслям.

– Что же, – проговорил Демьян, не став настаивать. – Вернуться я тебе позволяю. И все, что запросил, получишь.

– Спасибо, мой король, – в голосе Ровента скользило облегчение.

– И еще, – сказал Бермонт. – Ты не забыл, что должен виру не только моей жене?

– Дела чести Ровенты не забывают, – проворчал барон. – И этот вопрос решу. Сейчас же рад, что королева в добром здравии. Прости за вопрос, мой король, но оправилась ли она окончательно? Моя дочь говорит, что ее величество по-прежнему спит до полудня медведицей.

– Кто-то слишком болтливой воспитал дочь, – с каменным лицом сказал Демьян.

– Да об этом весь Бермонт шепчется, – огрызнулся почтительно Ровент. – Вину я чувствую, мой король. Могу ли я чем помочь?

– Разве что молитвой, – покачал головой Демьян. – И верной службой своей.

Ровент поколебался.

– А те иглы, – сказал он, – что ты приказывал мне колоть себе до полудня, даже если будешь без сознания, сработали?

Демьян посмотрел на барона. Тот ответил угрюмым взглядом, и в нем увидел король и отблеск знакомой вины.

– После полуночи с тринадцатое на четырнадцатое мая узнаем, – ответил его величество.

Барон кивнул.

– Могу ли я сообщить об этом тем, кто виноват перед ней и тобой? – осторожно поинтересовался он. – Глядишь, если столько линдов будет молиться за успех дела, так и лучше все пройдет, а?

– Вы искупили вину, – напомнил Бермонт. Ровент выжидающе смотрел на него, и Демьян понимал: пусть в нынешнем состоянии Полины они не виноваты, но она своей милостью их всех из прозябания в лесу вытащила, и теперь они ей должны, и ее благополучие – их забота. И это хорошо, чем больше причин для верности, тем лучше. И потому он кивнул. – Сказать можешь. Поддержка не помешает.

И теперь ярмарочная площадь заполнялась шатрами берманов, которые ждали полуночи. А в линдах и стар и млад собирались на службы в честь королевы. Собирался и клан Бермонт – и леди Редьяла в первых рядах. Замок Бермонт пустел, потому что все чада и домочадцы уходили на службу в Храм Всех Богов.

И хорошо. Тише будет в замке – никто не помешает случайным словом или праздным любопытством.

Так тягостно медленно шло время, так не по себе было Демьяну, что он еще раз спустился в подземную часовню. Он не стал больше тревожить отца – хотя чувствовал себя медвежонок, жаждущим прижаться к большому сильному боку, чтобы ему сказали, что все получится. Он взял с собой корзину с хлебом и мясом, морсом и плодами, и пообедал там, у алтаря, прижавшись к нему спиной, вдыхая запах яблок и мхов и вспоминая, как они обедали и ужинали здесь с Полиной. А затем его мысли потекли все дальше и дальше в прошлое.

Вспомнилось ему, как ребенком еще спускался он в часовню с отцом. Тогда Бойдан Бермонт казался ему, малышу, гигантом, и когда отец брал его на руки, казалось, что поднимал высоко-высоко, в самое небо, и держал несокрушимо, как гора.

Здесь, среди мхов и огней, под взглядом Хозяина Лесов Демьян много лет назад впервые почувствовал скалу, уходящую корнем своим глубоко под землю, ощутил силу, исходящую от алтарного духа, мягко обволакивающую его, словно благословляющую. Видел он тень бога, отвечающую на молитвы деда, и ощущал его как большого отца-медведя, великого вожака, которому нельзя было не поклониться.

Первопредку Демьяна показали сразу после родов, а в годик, когда он уже мог цепляться за холку, отец с ним на спине медведем переплыл озеро на яблоневоый остров и поклонился Михаилу наследником. Был с ними и дед, король Идьян Бермонт. Демьян этого почти не помнил, как не помнил деда, который умер, когда ему было три.

Часть берманов с возрастом все больше уходили в леса и лесные имения, все больше становились нелюдимыми. Отец говорил, что так бывает у тех, кто не нашел любовь в семье – звериная часть природы звала на волю, и не было рядом той, кто могла бы остановить его. Поэтому берманы и были вполне свободны во встречах и половой жизни до брака – женились они на всю жизнь, а как ошибешься, как не ту или не того выберешь?

Бабушку Октяля Демьян помнил куда лучше. Она была еще строже и добродетельнее матери, и пусть все берманы чадолюбивы, он уже во взрослом возрасте осознал, что она была больше королевой, чем бабушкой и матерью.

И этим он был похож на нее. Был больше королем, чем мужем. Хорошо, что ему удалось это понять и немного выправить баланс.

Когда дед стал пропадать в охотничьих угодьях клана Бермонт, хотя было ему всего-то под пятьдесят, он оставлял страну на принца Бойдана, запрещая следить за ним или искать его. Но после первого снега дед обычно возвращался, заросший и еще более одичавший, чем ранее – а в тот год не вернулся. Пока обеспокоились, пока решили нарушить приказ – он все же был действующим королем – и поискать, – прошло время. И нашли Ильяна Бермонта в медвежьем облике в топи, всего искореженного, посреди взрыхленного, кое-где вставшего стеной болота.

Там же при расследовании вскрыли и засекали почти сотню недобрых духов, топников-болотников, переродившихся духов воды и земли, и зачистили болото. Но короля, принявшего свой последний бой, это уже спасти не могло.

Бабушка Октяля была жива до сих пор – она ушла в линд своего брата Фестерн, который располагался куда севернее Ренсинфорса, основала школу для девочек, слала подарки членам семьи. Виделись они с внуком три раза в год – на ее день рождения, на его и в памятную дату похорон деда.

Вспомнилось Демьяну, как ощущал он-медвежонок и замок большим старым медведем, мудрым и внимательным. Как играл с варронтами, что с удовольствием носили его на спине. Как отец лет в шесть отвез его к Медвежьим горам и познакомил со Статьей – и какое потрясение Демьян испытал, когда большая медведица, матушка-медведица после зова отца распах-

нула глаз размером с огромное озеро, и мягко, приветственно заурчала, приоткрыв пасть-ушеле, разделившую гору-голову на две части. Благословила.

Помнил он и теток, сестер отца, которые ушли невестами в другие кланы. Тетки тоже были воспитаны как примерные берманские женщины, которые скидывали свою покорность как шкуру, только когда облачались в шкуру звериную. Его подростком всегда завораживала эта двойственность в женщинах – ярость и покорность в каждой из них.

Мама Редьяла тоже была строгой, но она была с юга Бермонта, из клана Нермент, из предгорий, где летом бывало даже жарко, дышали ароматами луга и мед был особый, душистый, тысячетравный. Отец мать любил, и она его любила, и от нее, в отличие от бабушки, шло тепло, и посмеяться она могла за закрытыми дверями, там, где не нужно было быть величественной королевой и примером для страны. Жаль, что кроме Демьяна не было у них еще детей – он, окруженный взрослыми, воспитываемый, как все берманцы, в строжайшей дисциплине, обучаемый подавлять звериные инстинкты и агрессию, сам слишком скоро стал взрослым. Нет, были у него и друзья из клана Бермонт и дружественных кланов: Хиль, Ирьян, другие мальчишки, ставшие основой гвардии, – но все они были детьми вассальных семейств, среди которых он всегда был первым, лучшим, умелым и сильным. Даже когда он рычал в раздражении: «не поддавайтесь мне!». Даже когда они действительно привыкли, что ему не надо поддаваться.

Не это ли стало причиной его бесконечной самоуверенности? Возможно, будь у него братья и сестры, не отягощенные вассальной и инстинктивной иерархией, возись они вместе, дерись и мирись, как в доме родителей того же Свенсена, и самому Демьяну это бы пошло на пользу?

Он всегда был лучшим. И в школе – а мать строго следила, чтобы ему не завышали оценки только потому, что он принц. И в военной академии, которую закончил по специальности «военный инженер», когда уже отец погиб. Всегда и во всем он был прав, он был примером и предметом восхищения. Он не стал заносчив и высокомерен, это не кружило голову только потому, что самоконтроль тоже был на высоте, а мать и отец приучали к скромности и снисхождению к недостаткам людей, берманов и мира вообще. Да и звериная натура напоминала о себе и собственном несовершенстве, если случалось что-то пробуждающее охотничьи инстинкты или покушения на его территорию. Но он внутри всегда знал, что не может ошибиться. Не может поступить неправильно.

И выигранные им бои после смерти отца только укрепили это мнение.

Вновь вспоминал он и поездку в Рудлог – отец рано стал брать его в другие страны, чтобы сын учился дисциплине и там, где жили люди, не подчинявшиеся законам Бермонта, чтобы понимал, что с ним могут вести себя по-разному, и надо всегда сохранять хладнокровие и сдержанность, держать звериную натуру под контролем. Он помнил старших сестер Поли: величественную и холодную Ангелину, в которой он сразу признал равную по силе и самоконтролю, мягкую и теплую Василину, которая ему понравилась красотой, уступчивостью и похожестью на берманских женщин так, что он поговорил с отцом о сватовстве – и отец обещал прощупать почву, – подростка-Марину, которая могла говорить только о своих обожаемых лошадях и собаке и имела застенчивый нрав и острый язык.

Полина выбивалась из семьи как черный лебедь в роду белых. Она, казалось, не понимала правил приличия: как увидела его на первом обеде двух семей, так глаза и загорелись. Наследников отправляли гулять в парк, в его историческую часть с экскурсиями, и Поля, перебивая дворцового хранителя музея, захлебываясь, рассказывала историю Рудлогов, словно желая показать, какая она умная. Она пробиралась в его комнаты, чтобы предложить сыграть в шахматы или йеллоувинское гудо, звала гулять, чтобы она могла попрактиковаться в бермонтском, искала его во время прогулок, когда он уходил без сопровождения, чтобы отдохнуть от людей.

Государственный визит длился долго, и все это время она устраивала на Демьяна засады, прыгала со спины (не будь она ребенком, он мог бы и полоснуть от неожиданности в полуобороте), просила покатать ее, показать, как он оборачивается.

Она была абсолютно презиращей этикет (хотя в присутствии матери и на официальных мероприятиях узкого круга, где допускалось присутствие детей, вела себя весьма благовоспитанно), недисциплинированной, умной и восхитительно свободной. Она была как медвежонок в самую безмозглую ребячливую пору, и потому инстинкты в Демьяне реагировали как на ребенка, и потому он, справившись и с изумлением, и с раздражением, включался в игру с ней. Ну что с медвежонок возьмешь, от которого исходит такое обожание?

Потом, когда визит закончился, он по ней даже скучал. По смеху, по радости, с которой она на него смотрела, по той непредсказуемости, что она принесла в его жизнь.

Но формализованность и дисциплина быстро поставили мозги на место. И он вновь вернулся к обязанностям принца и наследника.

Отец поговорил с ним и просил подумать касательно женитьбы на Василине Рудлог. Клань ждали, что он выберет в жены дочь кого-то из линдморов, и посмотри Демьян на сторону, затаили бы обиду – а, значит, часть законов не получила бы поддержки или тихо саботировалась бы.

– Ирина Рудлог в сомнениях, так как знает о наших традициях и считает, что вторая принцесса слишком мягка для наших гор, сын, – предупредил он. – Но я понимаю, что она согласится, если мы четко обозначим наше намерение. Поэтому подумай. Если она тебе горячо по сердцу, то я уже обращусь с официальным предложением. Если нет – выбери кого-то из своих.

Помнится, тогда у него мелькнула мысль, что женись он на Василине, и бойкая непеседа Полина наверняка будет приезжать к сестре и веселить его. Мелькнула и ушла. К Василине он испытывал сдержанный теплый интерес, который не пересилил традицию. От мысли о помолвке он отказался. Но попросил отсрочку с женитьбой до того, как отучится.

А там уже погиб отец и за государственными заботами ему надолго стало не до жены. Пусть он выиграл бои, пусть ему поклонились, признав, что он сильнее, но для матерых медведей он оставался юнцом, сильным, но неопытным, и это заставило быстро учиться, стать еще жестче, дисциплинированной, внимательней, стать для них воплощением традиции и духа Великого Бера.

Полина ворвалась в его мир, смешав все карты. Неправильно было жениться на иностранке – но он и думать ни о ком другом в своей постели и в своей жизни не мог, кроме как о ней с того самого момента, как увидел ее птицей, улетающей из его разбитого окна после того, как он чуть не разорвал ее и чуть не взял силой.

И пусть тогда он был в своем праве: воровка на его территории, которая разбудила в нем инстинкт своими прыжками, – он благодарил своего первопредка, что сумел остановиться.

И знай он, что потом случится на свадьбе... может, было бы лучше, если бы он Полину вообще не искал?

Он ведь после помолвки приходил к ней во дворец Рудлог, не в силах, однажды попробовав, отказаться от ее огня, и целовал ее, и ласкал, заходя за грань приличий, как и она его – и как он доволен был своей сдержанностью, своей волей, тем, что как бы ни кричал инстинкт «возьми», он мог останавливаться. Так должно было быть всегда.

Но случилось иначе. И можно кивать на безумие, на происки врагов – будь он менее самоуверен, менее король, он бы не стал устраивать бои, чтобы успокоить поборников традиций. Ничего бы ему не сделали. Но нет, он должен был все сделать правильно.

Ему стало холодно, и он запрокинул голову на алтарь, который теперь не грел.

«Вернуться назад нельзя, – напомнил он себе. – Нельзя отменить прошлое».

Сейчас, когда судьба Полины вновь встала на зыбкую почву, он ощутил то, что ощущал, но никак не успевал осознать в дни после ритуала Солнечный мост, в дни, когда он боролся за ее жизнь, которую она отдала ему.

Ему было страшно вновь стать одиноким. Потому что очевидным стало то, что он никогда не понимал из-за муштры и обязанностей, забитых сначала учебой, а затем государственными делами дней и ночей, в которые он вырубался раньше, чем голова касалась подушки. Все это время, с самого детства, он был одинок. Одиноким ребенком в каменном замке среди взрослых и древних духов, у которого общение с друзьями – по расписанию.

Именно поэтому он так дрогнул, когда Полина сказала, что хочет много детей. Сам бы теперь он не посмел у нее просить. Красные плодовые, у ее матери было шесть дочерей, у старшей сестры – трое, и если она тоже хочет, то его дети не будут одиноки.

И здесь, в замке, надо селить семьи гвардейцев с детьми, если они захотят. У всех детей должна быть большая компания. Ребенок не должен расти один – все, что Демьян вынес из своего детства. Да у него за поездку в Рудлог игр было больше, чем за всю жизнь!

У него и женщин-то было немного из-за постоянной занятости, и отношения были недолгие, часто эпизодические. А Поля ворвалась в это одиночество, сделала его правильную жизнь восхитительно яркой и неправильной и подарила ощущение, что он больше не один. Что есть, помимо мамы, человек, женщина, которая любит его так, что жизнь готова отдать.

И которую так же беспокойно, собственнически, жадно, страстно и ярко полюбил он сам.

У него никогда не было никого, с кем можно было пошептать в постели, побаловаться или так откровенно посмеяться, как умела смеяться Пол. Не было той, кого хотелось так баловать, на кого хотелось бы смотреть. Той, с кем так сладко, так тепло спалось, с кем хорошо и уютно обнималось в кресле, с кем можно было просто помолчать, обнявшись. Такой, как она, непредсказуемой, смешливой, сильной.

С ее появлением оказалось, что его прежний мир был всего лишь серой и запротоколированной частью огромного яркого мира. Того, который он видел, когда уходил в леса медведем – и того, который подарила ему Поля.

Мелькали перед ним воспоминания и тяжело было на душе.

И здесь, в тишине и полутьме часовни ему наконец-то пришла в голову мысль, которая давно должна была прийти.

Полина столько делает для того, чтобы их супружеская жизнь наладилась. Хотя она имела полное право вернуться в Рудлог, инициировать развод, и ничего бы по завету первопредка он сделать не мог. Она боролась за их семью. А что сделал он сам?

Демьяну не с кем было обсудить то, что случилось тогда, – кроме самой Полины. Ни матери, ни Тайкахе, ни друзьям не мог он сказать – пусть кто-то и догадывался, а кто-то и точно знал, что произошло. И потому он носил в себе боль, которую причинил, память о самонадеянности, которая привела к тому, что Полю он не защитил – и они разъедали его изнутри.

Но сейчас он понял, что нужно сделать. Пусть это и малость, но это действенная малость.

И неважно, получится сегодня у Тайкахе или нет. Не выйдет – попытается еще, а там и Михайлов день наступит и отец подсобит. Пусть сейчас Тайкахе делает свое дело, а он, Демьян, займется своим.

Поднявшись наверх, Демьян приказал связаться по телепорт-почте с замком Дармоншир и попросить барона фон Съедентента посетить его в ближайшее время. Ответ пришел незамедлительно – барон был готов перейти в Бермонт прямо сейчас.

И Демьян решил не ждать.

Через пятнадцать минут Мартин фон Съедентент, выглядевший сейчас как уверенно державшийся пожилой мужчина, седые волосы которого у корней отрастали черными, появился

в сопровождении слуги в кабинете короля. Поклонился, и Бермонт встал ему навстречу, пожал руку. В конце концов, они были не только королем и бароном, но и соратниками, и если бы не барон и другие маги, из Нижнего мира Демьян мог и не выбраться. Как и все остальные.

– Присаживайтесь, барон, – Демьян кивнул на кресло. – Благодарю, что смогли так быстро откликнуться на мой зов.

– У меня сейчас много свободного времени, ваше величество, – усмехнулся фон Съедентент. – Да и, признаюсь, мне очень любопытно, для чего я мог вам понадобиться.

– У меня будет для вас очень специфичный заказ на один артефакт, – проговорил Бермонт, и барон тут же посерьезнел, склонился вперед, слушая. – Настолько специфичный, что я, с одной стороны, вынужден настаивать, чтобы именно вы его взяли, а с другой – чтобы вы подписали магдоговор о неразглашении.

– Конечно, – заинтересованно согласился блакориец. – Однако прошу принять во внимание, что я еще не восстановился, и сложную работу исполнить смогу не скоро. И из-за своего состояния, и из-за того, что как только мы с супругой вернемся к своему резерву, мы уйдем на блакорийский фронт, и работать я смогу только в периоды между боями. Поэтому, возможно, вам стоит попросить кого-то еще? Таис Инидис – прекрасный артефактор.

Демьян покачал головой.

– Мне нужны именно вы, барон.

– Почему? – не скрывая любопытства, осведомился фон Съедентент.

– Потому что вы лучший специалист по защите в мире, – ответил его величество.

Когда барон ушел, задумчивый, с отрешенным взглядом, уже подписавший договор и просчитывающий параметры заказа, Демьян понял, что его чуть отпустило. Все же лучший способ справиться с тревогой – это действовать и решать проблемы.

Глава 2

Алина

Пятая принцесса дома Рудлог пришла в Тафию через телепорт. Пришла без сопровождения, хотя Василина просила взять с собой хотя бы медсестру или охранника, чтобы подхватили, если что.

– Я справлюсь сама, – сказала Алина за завтраком. – Я хочу поговорить с Четери, а чужой человек будет нам мешать.

– Хорошо, – вздохнула Василина. И Мариан тоже промолчал, только с тревогой взглянул на жену, и с сочувствием – на Алину.

– Спасибо, – тихо поблагодарила пятая принцесса. – Спасибо, Васюш. Я понимаю, что тебе тяжело смириться с тем, что я не отсиживаюсь под твоим крылом. Но я не могу. Просто не могу.

И сестра улыбнулась.

– Я тоже тебя понимаю, – сказала она. – Ты прожила там, без нас, целую жизнь, ты научилась выживать и принимать решения сама. Но ты остаешься моей сестрой, Алина. И я не могу не беспокоиться о тебе. Поэтому иди, но имей в виду, что тебе нужно отдохнуть перед ночью. Демьян прислал письмо, что сегодня ждет нас всех в полночь в Бермонте. Включая Игоря Ивановича и Каролину. Но, – она повернулась к Мариану, – без тех, кто не связан с Полиной кровью. Сказал, что некровные участники могут ослабить обряд.

Байдек выдохнул. И тяжело, через силу кивнул.

– А как же Каролина выйдет? – обеспокоилась Алина.

– У меня через полчаса связь через переговорное Зеркало с Цэй Ши, – Василина взглянула на часы. – Его сын подарил Каролине артефакт с духом равновесия. Спрошу, есть ли возможность сделать так, чтобы Каролина к нам смогла выйти не через два месяца, а сейчас.

Алина сунула в рот пюрированную брокколи. Проглотила, уходя в свои мысли.

Только письмо о том, что Чет проснулся, заставило ее отказаться от мысли вернуться до ночи в дом Макса. Там ей было спокойно и тихо: Тротт там чувствовался во всем, ей казалось, что он рядом, и сложно было выходить из этого состояния. Но Четери – Четери тоже был частью их с Максом истории. Он мудр и силен, он сможет что-то посоветовать ей.

А она сможет обнять его и сказать, как сильно благодарна. И пусть сейчас он не может ее увидеть. Он ей родной – а как иначе после стольких дней нелегкого пути бок о бок?

В Тафию сообщили, что она прибудет, и Алину встречали – под ярким солнцем у телепорта ждала ее сама Светлана, жена Четери, у которой к груди был примотан слинг с малышом. Здесь пахло мандаринами и свежей травой, журчал фонтан посреди двора, а Светлана, чуть пополневшая, с легкими синяками под глазами и усталым лицом, улыбалась принцессе. Неподалеку застыли слуги, готовые исполнять приказания, а из-за ворот доносился городской шум.

– Ничего себе, как же ты изменилась, – сказала жена Четери, осторожно и с некоторой неловкостью обнимая Алину. – Такая худенькая! Совсем другое лицо. А Четери сейчас занят, освободится через полчаса. Ты как, голодная? Поешь? Или подождем в нашей гостиной? Или погуляем?

– Лучше погуляем, – слегка опешив от количества предложений, попросила Алина. Она тоже слегка стеснялась: ведь со Светланой они общались совсем немного, – одновременно жмурилась на солнце и с удовольствием прислушивалась к пению тропических птиц. – Если ты не против, конечно, – спохватилась она, – мне надо гулять, чтобы быстрее окрепнуть. Ой, – она заметила золотистое сияние от спящего малыша, – а что это с ним? Это то, про что говорил

Матвей? Так действует дух равновесия? Ты можешь мне рассказать, как его вызвали и заставили служить?

– Да, – рассмеялась Света. – Я уже столько раз рассказывала, что могу ночью, не просыпаясь, повторить. А ты, – она поколебалась, – расскажешь мне про то, как проходило ваше путешествие с Четом? Он, конечно, мне говорил, но ты же знаешь этих мужчин. Никаких подробностей!

И пока они медленно-медленно бродили по парку, от тени к тени, пока сидели в беседках, отдыхая, пока Алина пила живительную воду из источников в парке и любовалась терновником и малышами-анодари, Света рассказывала ей про ребенка и про то, как дух, вызванный Веем, защитил его, и про бой Чета с богом, и про то, как думала она, что Четери умер, а он долго спал и очнулся слепым.

А принцесса поведала обо всем, что случилось с Четери в Нижнем мире с тех пор, как она увидела его в лесу, когда пряталась в папоротнике. Света слушала с благодарностью – и Алина старалась упоминать все детали, потому что понимала, как ей самой было бы интересно и важно слушать про Макса.

Целебная драконья водичка словно делала ее крепче, и даже в голове стало яснее.

– Иногда мне не верится, что я вышла за него, – пробормотала Светлана, покачивая головой. – Он такой один во всем мире.

– В двух мирах, – совершенно искренне сказала Алина. Для нее Макс тоже был исключительным и единственным, но уникальность того, кто сопровождал их, принцесса видела и осознавала.

Малыш захныкал, Света села кормить в беседку, как-то хитро ослабив слинг и развернув его, а Алина тихо уселась напротив, слушая Светлану дальше и размышляя о своем.

Вей Ши призвал духа равновесия на службу с помощью своей крови. Макс говорил, что духи, живущие в дубах, тоже призваны и выращены на его крови. И барон фон Съедентент вчера рассказал, что Макс иногда подкармливал их своей кровью. Могло ли быть так, что в дубах сохранилась информация о его ауре? Как это проверить?

– А еще, – с горечью говорила Светлана, отнимая заснувшего Марка от груди, – он совсем перестал тренироваться. И вообще не улыбается, представляешь? Может, хоть ты его развеселишь... О, Четери, – тихо обрадовалась она, и Алина обернулась.

Чет шел от белеющего вдаль, за толщей деревьев, дворца, и шел один. Ступал он медленней, чем это было ему свойственно, с едва заметной неуверенностью, но двигался прямо к ним – и Алина почувствовала, поняла в этот момент, что и ее упорство в отказе от помощников, и его – в том, что он, ослепший, все равно пытается жить обычной жизнью, – имеет одну природу. Им обоим нужно встать на ноги.

Он приблизился – и Алина увидела, что седина покрыла его красные волосы, словно припорошила снегом, увидела и неподвижные зеленые глаза с яркой красной полосой поперек. Очень страшно было смотреть на него. Очень.

– Твой огонь, принцесса, сияет так ярко, что я не мог заблудиться, – сказал Четери, подойдя к беседке. Ощупал край перил, поднял ногу, чтобы встать на ступеньку, но запнулся, и только владение телом позволило ему замереть и не упасть. Подошел к едва не вскрикнувшей Светлане, безошибочно поцеловал ее в лоб, погладил сына.

– Родители искали тебя, – сказал он. – Вы хотели сходить искупаться?

– Да, – ответила Света, улыбаясь с тревогой. – Я оставлю вас поговорить, – добавила она, поднимаясь.

– Подожди, – попросил Четери, мягко обняв ее за плечи. – Марк поел?

– Только что, – Светлана чуть расслабилась. И прижалась к нему, словно желая одновременно обрести силу и поддержать, заглядывая ему в лицо с какой-то отчаянной надеждой.

– Тогда давай его мне, – предложил дракон, – тебе нужно отдохнуть.

Алина видела, как на мгновение заколебалась Света, но все же повернулась спиной к Четери, и пока он на ощупь развязывал узел, прикрыла глаза, как безумно уставший человек.

Малыш выглядел совсем крошечным и, одетый в совершенно кукольный комбинезончик и шапочку, лежал в огромных ладонях Чета как в колыбели. Алина смотрела на него, отчего-то чувствуя, как подступают к глазам слезы. Смотрела, как довольно уверенно уже Четери подвязывает слинг и улыбалась сквозь них.

Она никогда не думала о детях, но ведь у них с Максом когда-нибудь мог бы тоже появиться ребенок. Если бы не...

«Никаких «если бы, Богуславская, – сказала она себе мысленно тем самым голосом. – Никаких сомнений!»

Света, сжав на мгновение руку Алины, поцеловала мужа в щеку и пошла ко дворцу.

А Чет повернулся к принцессе, и она встала, обняла его, аккуратно прижалась сбоку, чтобы не задеть малыша. И дракон тоже обнял ее. Ощупал осторожно – тонкие руки, острые плечи, выступающие ребра.

– Ты стала еще мельче, да? – усмехнулся он.

– Почти сносит ветром, – всхлипнула Алина. Подняла голову, глядя ему в глаза. – Как же так, Четери?

Она хотела сказать: «Это же несправедливо! Этого не должно было случиться с тобой!», но заплакала и быстро заморгала, чтобы не ранить его слезами и жалостью. Принцесса за их совместное путешествие на Лортахе так привыкла к тому, что он постоянно в движении, постоянно либо весел, либо свиреп, замечает все вокруг и жадно живет своей жизнью, что ей было не по себе.

– Так бывает, – ответил он, положив ладонь на чуть зашевелившегося ребенка. Четери был живой, горячий, от него веяло привычной мудростью и спокойствием, но казалось, будто огонь его потух, будто растаял азарт, с которым он относился к жизни. Будто его жизнелюбие сменилось безысходностью. – Мне повезло, что у меня тренирован слух и я вижу ауры, а потому ослеп всего наполовину. Мы все чем-то искалечены, принцесса. Кто-то и вовсе не вернулся с войны.

Она усилием воли остановила слезы, помотала головой. Заставила себя улыбнуться.

– Так странно видеть тебя с ребенком, Четери. Забавно и мило.

Его губы чуть дрогнули, но Света была права – он не улыбался. И это было страшно.

– Для меня еще и поучительно. И отвлекающе. Пройдешься со мной? – предложил Четери, глядя на нее и сквозь нее. Больше всего ее пугал этот остановившийся взгляд.

И когда она потянулась, чтобы взять его под руку, он, то ли услышав, то ли увидев движение ауры, покачал головой. И она поняла, медленно пошла рядом, не касаясь его.

– Ты не ощущаешь его, да? – спросила она то, что глодало ее изнутри.

– Наоборот, ощущаю, – сказал Четери и повертел головой, словно прислушиваясь. – Со всех сторон ощущаю, а позвать не могу. Нет нити, Алина. И не чувствовал я такого никогда, поэтому и сделать ничего не могу. Жрец сказал, что Макс растворен в нем.

– Да, – вздохнула принцесса. – И я не знаю, как его оттуда вытащить, Четери.

Дракон вновь сделал такое движение губами, будто хотел улыбнуться.

– Я достаточно узнал тебя, Алина. Если я... вижу перед собой не самого упрямого человека на Туре, то одного из самых упрямых точно. А, значит, ты узнаешь. А сейчас... Мастер Фери всегда говорил нам искать положительные стороны любой ситуации. Какие в этой ситуации положительные стороны?

– Их нет, – пробурчала принцесса.

– У тебя не ограничено время, – подсказал Четери. Они проходили поворот, и он слегка притормозил, пройдя вперед: Алина испугалась, что он врежется вместе с ребенком в дерево, но стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть. Но нет, он вовремя повернул. – У тебя, благодаря

твоему происхождению и знакомствам, масса ресурсов. Сам Жрец и все боги тебе должны. И вы с Максом связаны даже сильнее, чем я с ним, а так как он везде, ты можешь бесконечно пробовать, пока не выйдет.

– Если бы я только знала, что пробовать. Кроме молитв, – вздохнула она. – Представляешь, Его Священство подсказал мне каждый вечер читать молитву всем богам. А там слова «Триединый же заповедал, что ежели вы, господа небесные, должны человеку, то ни отдыха вам будет, ни покоя, пока вы долг не отдадите». И еще «пусть моя аскеза будет той силой, что позволит вам отдать ваш долг». Мне кажется, что если я буду читать это ежевечерне, я богам ужасно надоем.

– А Его Священство знающий мужик, – похвалил Четери с порадовавшей ее иронией. – Тебе же уже сказали, что боги так тебе и Максиму должны, что ты можешь просто жить своей жизнью? Как только будет возможность, они его вернут.

– А если она появится через сто лет? – возразила она. – А если через тысячу, когда я уже буду на десятом перерождении? Для богов время неважно, а мне важно.

– Ты права, – задумчиво согласился Четери. – Максиму следует вернуться раньше.

– Если бы я только знала, что ему может помочь, – она потрогала пышный белый цветок на ветви, мимо которой проходила. – Пока что я только хожу от одного знающего к другому. Как в старых сказках.

– Так пути издревле не меняются, – отозвался дракон. – Найдешь. Не бывало еще такого, принцесса, чтобы кто-то бил в одну точку и не достиг успеха. Только смерть безвозвратна. И то есть варианты.

Алина грустно покивала и только потом снова вспомнила, что Четери ее не видит.

– Ты знаешь, что Матвей решил учиться у тебя после окончания университета? – спросила она.

– Судьба всегда приводит всех в нужную точку, – отозвался дракон.

– Значит, – тихо спросила Алина, – и тебя привела?

– Возможно, – проговорил Чет, – и я знаю, почему. Но пока не понимаю, зачем.

Они помолчали. В молчании этом распевались пестрые пташки, беззаботно порхая по кустам. Было жарко и влажновато, и упоительно пахло травой и цветами.

– Я вспоминаю Лортах, – призналась принцесса. – Вспоминаю, и мне кажется, что там все было по-настоящему, а здесь все во сне. У тебя так же?

– Да, – ответил дракон после паузы. – У меня сейчас все как во сне.

И когда она, не выдержав, сочувственно погладила его по руке, добавил:

– Там мы шли на пределе сил и потому проживали жизнь острее, принцесса. Но истина в том, что жизнь разная. И жить ее нужно здесь и сейчас, и смотреть в будущее, а не в прошлое.

Он поднял голову к небу. Алина заметила, что он часто делал это, словно силясь что-то увидеть там.

– Я бы хотел вернуться туда, – признался он, – тот мир еще не причесанный, почти первозданный, мир, созданный для путешествия и борьбы, для становления и роста. Он похож на то, какой была Тура пятьсот лет назад. Но мне не суждено его больше увидеть. Значит, мои смыслы ждут меня здесь.

– А что ты скажешь, – тихо проговорила Алина, – если я думаю сходить туда? К Хиде? Вдруг она уже освободилась? Вдруг сможет помочь?

– Я понимаю, зачем, – отозвался Четери. – Ты думаешь, что если наши боги не знают, как быть, то она сможет что-то подсказать?

– Да, – ответила принцесса. – Мы ведь теперь из ее племени. Она не откажет, правда?

И она посмотрела на Четери с надеждой, так, будто он мог ее увидеть.

– Я скажу, что не нужно тебе туда идти, – сказал дракон честно. – Ты там погибнешь, принцесса. Мы втроем чуть не погибли, а одна ты тем более не дойдешь. Вряд ли твоя сестра даст тебе в сопровождение армию, так?

Ей было горько и тяжело его слушать, но он был прав.

– Но даже не в этом дело, – и он погладил ее по плечу. – И не потому, что ты слабее котенка. И не потому, что мы не знаем, освободилась ли богиня или развеялась. Не нужно тебе туда идти, Алина. Тот мир не для тебя. У меня есть тот, кто пойдет к Хиде отвечать за данное мной слово. Кто способен пройти и кто задаст этот вопрос за тебя.

– Спасибо, – прошептала принцесса. Сжала его руку, и Четери повернулся к ней. Ключ Владыки, сверкнув на солнце, мазнул по его плечу.

– Света сказала, что ты не тренируешься, – сказала она укоризненно. – Почему, Чет? Ты ведь можешь победить кого угодно и с закрытыми глазами!

Он вновь поднял лицо к солнцу.

– Человек, которому отрубили руку, тоже может играть на флейте, – ответил он ровно. – Но он никогда не сможет играть лучше, чем когда у него было две руки. Это бессмысленно, принцесса. И... меня не тянет. Я раньше дня не мог прожить без клинков, без тренировок. А сейчас руку поднять, чтобы вытащить клинок, не хочу.

– У нас в Рудлоге сказали бы, что у тебя депрессия, – заметила Алина.

– Я бы сказал, что это поиск нового смысла, – Четери вновь погладил ребенка. – Пока я не вижу его, малышка.

Пели птицы, и так красиво было вокруг, что по лицу Алины вновь покатались слезы – из-за того, что Четери не может этого увидеть.

– Хорошо, – упрямо согласилась она. – Ты пока ищешь смысл и не хочешь брать в руки клинки. Я свой смысл нашла – Тайкахе сказал, что мне нужно окрепнуть, чтобы помочь Максу. Покажешь мне упражнения, Чет? Такие, чтобы поскорее восстановились и мышцы, и внутренние органы, и силы?

Он едва заметно усмехнулся.

– А ты их запомнишь?

– Если нет, еще приду. И буду приходить каждый день. Будешь тренировать меня.

– И откуда в вас, женщины, столько хитрости? – укорил он, и в тоне его на мгновение проскользило эхо прежнего, веселого Чета. – Я покажу, принцесса. Во что ты одета?

– Прямо сейчас? – растерялась Алина, глядя на ребенка в слинге.

– А почему нет? – удивился дракон. – Я слеп, а не парализован. Во мне достаточно гибкости, чтобы не потревожить Марка.

– И правда, – пробормотала принцесса. Огляделась – они стояли недалеко от перекрестка двух дорожек, сбоку шумел фонтанчик, несколько слуг вдалеке собирали плоды с деревьев. – Я в платье до колен, Чет.

– Завтра оденешься в эти ваши... шорты и футболку, – приказал он. – Дай-ка я тебя посмотрю, – и он, присев на корточки, протянул руки, и профессионально прощупал ей икры и ступни, колени и бедра, крестец и тазовые кости. Алина не смущалась – ничего мужского не было в его прикосновениях, так мог бы касаться врач, и она чувствовала тепло – он одновременно сканировал ее как виталист.

– Очень истощены мышцы, – покачал Четери головой. – И пока нормально есть сможешь, чтоб их нарастить, много времени пройдет, – он поднялся, вновь положил руку на ребенка. – Ты приходи к нам, принцесса, пей нашу воду, плавай в ней, она тебе желудок восстановит. А там можно будет кислое верблюжье молоко пить, им у нас тех, кто после тяжелой болезни, восстанавливают. А сейчас повторяй, я посмотрю... попробую посмотреть стихийным зрением, как ты равновесие держишь и как у тебя с координацией. У нас такие упражнения в школе были для самых малышей.

И он показал – выглядело это как плавное движение руками, плавное перетекание из стороны в сторону в полуприседе, шаги назад-вперед в торжественном ритме. Просто, но через пять минут у Алины закружилась голова, а сердце забилося так, что зашумело в ушах.

– Я слышу, как колотится твое сердце. Отдохни, – попросил Четери, протягивая ей руку, и она приняла ее, побрела: он поддерживал ее, а не она вела его. – Я сейчас тебе покажу пруд с целебной водой. Он теплый и неглубокий, утонуть там невозможно. Прикажу служанкам тебя туда провожать после занятий, будешь там плавать хотя бы немного. А рядом там источник, откуда можно пить.

– Так ты будешь со мной заниматься? – уточнила Алина на всякий случай.

– С тобой – буду, – ответил Четери. – То, что нужно тебе, я и без зрения смогу показать. Только приходи, когда у нас сумерки, принцесса. Не стоит тебе под нашим солнцем сейчас двигаться, слишком слаба, можешь и не выдержать. А вот у себя можешь и полежать, прогреться на солнце. Это будет полезно.

– Спасибо, – сказала она ему на прощание уже у телепорта. Поднялась на цыпочки и поцеловала в щеку. – За все, Чет. За то, что ты вывел нас из Лортаха, мы бы не справились без тебя. Да чудо, что мы и с тобой справились, да? И за то, что ты такой есть. Ты невероятный, помни об этом.

– Я помню, – тень печали вновь скользнула по его лицу. – Хотел бы я забыть, принцесса. И чтобы у меня, как у тебя, было бы за что бороться дальше.

– В молитвеннике, который мне дали, если строчка о том, что то, что очень желаешь, сбудется, – проворчала она, сжимая его руку. – И потому нужно желать с осторожностью. Хотя... это ведь хорошо, что ты что-то еще желаешь, да?

Он хмыкнул, и она, еще раз обняв его, шагнула в телепорт. Ей было и тяжело, и легко – Четери, даже погруженный в меланхолию, придавал сил. И Алина, уже медленно бредя в сопровождении служанки к своим покоям, сжала молитвенник, висящий на цепочке, и пожелала, чтобы и она придала сил ему.

Глава 3

Демьян

Ночь зажгла над тихим как камень замком Бермонт яркие звезды. Демьян видел их из окна своего кабинета, как видел и огни костров на площади, как чуял запах дыма, подрагивания замка и вибрации от шаманского бубна – уж час как Тайкахе пустился в пляс, и король-медведь не слышал его ударов и гортанного пения, но ощущал так, будто они проникали сквозь стены.

Без пяти полночь прошел он по безлюдному коридору – ни человека, ни бермана ни осталось в замке, – и остановился у мерцающего телепорта. А ровно в полночь вышли оттуда сестры Рудлог и полковник Стрелковский. Все сосредоточенные, тихие. Тонкая Алина держалась за королеву Василину, младшая с любопытными глазами, вцепившись в руку Ангелины, разглядывала Демьяна, а затем закрыла глаза, прислушалась и едва заметно улыбнулась.

«Тоже чуёт», – понял Бермонт, который удары бубна воспринимал уже как что-то зовущее, умоляющее прийти на звук.

Марина Рудлог, пополневшая и заметно беременная, нервно пожала плечами и первая ступила вперед, словно показывая, пора, давай.

– Прошу за мной, – тихо сказал Демьян, – и, пожалуйста, помните, ни слова, пока Тайкахе не разрешит.

Они цепочкой прошли по замку с задраенными во внутренний двор окнами, и в тишине их шаги должны были разноситься далеко, но камень словно глушил их. Демьян перед тем, как выйти во двор, оглядел спутниц, слыша, как стучат их сердца, чувствуя их тревожный запах, смешанный с запахом огня, видя, как беспокойно полыхают их ауры, обжигая его. И, чувствуя, как начинает разгоняться собственное сердце, король толкнул двери.

В лицо ударило мощью, теплом, дымом и вибрирующим пением. Котел теперь стоял не над костром, а рядом, сам костер разделился на шесть маленьких, вставших кругом. Но огонь в каждом стал еще мощнее и поднимался языками чуть ли не выше крыши. Не зря сюда по приказу Демьяна принесли поленьев столько, что хватило бы на сто ритуалов.

Огнедухи-бабочки парили в тенях рядом с призрачными воронами, прыгали из воды крошечные иктосы, духи воздуха змейками качались на ветках, вспыхивала меж деревьями вязь паутин-равновесников, а варранты таскали к огню поленья и застывали за кругом света валунами.

Тайкахе, нацепивший маску, укутанный в шкуры с множеством хвостиков, обходил огненный круг, напевая-приговаривая заволаживающее, вибрирующее. Он то и дело останавливался и чертил что-то на земле ножом шагах в десяти от пламени, а затем подманивал пением и мановением руки туда язык огня – и вспыхивала трава, и на обожженной почве начинали светиться желтым и фиолетовым большие знаки, образуя рунный круг.

Полина спала там же, где Демьян оставил ее утром. У пруда, мерно вдыхая-выдыхая и смешно развалившись на спине. Он увидел ее и сердце дрогнуло. Только бы вышло. А дальше они справятся.

Шаман заметил их, запел-закружился еще быстрее. Стрелковский молчал и в глазах его отражалось пламя костра, и думал он о чем-то непростом, судя по морщине на лбу и горестных складках у рта. Сестры Рудлог стояли напряженные, прижавшись друг к другу, и Бермонт вдруг понял, кого они ему напоминают – отряд воинов, готовых атаковать превосходящего противника и погибнуть, если понадобится.

Знаки засветились сильнее. Их было ровно семь вокруг шести костров.

– Сюда! – прошелестел шаман, внезапно оказавшись перед ними – как дух метнулся. Бубен его завис в воздухе. Тайкахе схватил за руку Ангелину Рудлог, поставил на один из зна-

ков, закрутился вокруг, завертелся. Бросился вновь к ним и взял за руку Василину, и тоже поставил ее на знак. И так всех сестер, и Стрелковского. Остался один знак, сияющий сильнее всего. Для Демьяна.

– А ты, король-медведь, – напевно велел шаман, пока его бубен продолжал бить без него и огонь содрогался в такт, – прежде чем встать на свое место, бери свою жену и клади ее меж костров. Не проснется она пока, не бойся – душа ее человеческая вновь летает в других сферах, а медвежья – крепко спит.

Демьян взял тяжеленькую расслабленную Полину, и, присев, закинул ее себе на холку. Подошел под опасливыми взглядами сестер и внимательным – Стрелковского, к кострам, примерился, переходя в полуформу, и тяжело прыгнул, так, что огонь лизнул его ноги под гъелхтом. Положил Полю в центр и прыгнул обратно.

– Становись, – прошелестел Тайкахе, указывая на знак. Он встал, переводя дыхание. И действие началось.

Вновь, как в прошлый раз, стал закручиваться вихрем огонь и дым костров, образуя под пение пошедшего по кругу шамана огневорот. Вновь пахло на присутствующих морозом и льдом, и все поежились – кроме Алины Рудлог, которая недоуменно подняла голову, посмотрев прямо в тьму в центре огневорота, а затем едва заметно улыбнулась. Завыл ветер, вторя песне шамана, вновь вырвался из его рук бубен, сам полетел по кругу, и колотушка ударила в натянутую шкуру как в опытных руках.

А Тайкахе, склонившись над котлом, зачерпнул вязкой черной жижи, которая казалась глиной – настолько она выварилась. Зачерпнул и пошел к Ангелине Рудлог.

– Вытяни руки, дочь Воина, – попросил он, и та без сомнений вытянула руки. Тайкахе осторожно перевернул их ладонями вверх и, обмакнув в плоску кисть, стал выводить на ее ладонях знаки, что, касаясь кожи, тут же наливались желтым и фиолетовым. Достал нож – Ангелина даже не дрогнула, а он разрезал на ней ворот платья до середины груди и нарисовал там, где было сердце, еще одну руну.

– Крепка связь, крепка кровь, – бормотал он, переходя от сестры к сестре, разрезая на них одежду, чертя знаки на ладонях и над сердцами, – крепка любовь, крепка жизнь, крепка связь...

На ладонях и груди каждой из сестер сияли теперь знаки. Появились они и у Стрелковского. И рук, и кожи над сердцем самого Демьяна коснулась кисть – и холодом защекотало зелье, принявшись тут же светиться. А последним Тайкахе нанес руну на сердце себе. Руки его оставались чистыми.

– Крепка связь, – пел шаман под удары следующего за ним бубна, – крепка кровь...

Он с гортанным, завораживающим пением вновь пошел по кругу, и свет руны от его сердца струился за ним нитью, ложился на землю, перепутывался с лучами, которые шаман теперь чертил ножом от ног каждого из стоявших на знаках к кострам. Шесть раз он так обошел, углубляя линии, и намотался свет его сердца на эти лучи паутиной. Шесть костров, семь линий, по которым тоже побежало от знаков под ногами беловатое сияние. И словно жизненная сила побежала туда, к Полине, усиливаясь огнем и окутывая ее серебристым сиянием виты, словно от каждого обряд брал столько, сколько мог взять – линии сверкали ярко, густо, у двух старших, деликатно струились от Марины и Каролины и Игоря Ивановича, и едва-едва от Алины, которая казалась прозрачной из-за освещения. От самого Демьяна энергия текла такая же плотная, как от старших сестер.

Все это – и пение, и свет костра, и бой бубна, вводили Демьяна в транс. И чувствовал он не только силу замка, беспокойно волнами ходившую под ногами и будто бы даже сильнее светившуюся там, где лежала его Поля, не только свет аур присутствующих и энергии духов, не только то, какие силы закручивались вокруг старика-шамана. Но и казалось ему, будто

высоко над замком, склонившись с двух сторон, наблюдают за ритуалом две силы – родная ему, тяжелая, как все горы мира, и пламенная, грозная.

Тайкахе одобрительно поцокал языком, оторвал светящуюся нить от своего сердца, деловито скатал ее, привязал к одному из лучей, а затем шагнул с площадкой в костры. Огонь расступился, даже угли под его босыми ногами погасли, пока он ступал по ним. А когда он опустился рядом с Полиной, уже самой начавшей светиться желтым и фиолетовым, серебристым и зеленым, черным и синим, огонь вспыхнул вновь.

Шаман без усилий повернул Полину на спину – она опять смешно раскинула лапы, – и деловито начал наносить ей знаки-руны на тело. Первую – на лоб, и она вспыхнула мягким светом, четыре – на «ладони»-лапы, и шестую – туда, где слышал Демьян биение ее сердца, слышал сквозь пение и ритм бубна, шум костров и взволнованное дыхание участников ритуала. И стоило появиться шестому знаку, как вспыхнули костры выше неба. Засветились знаки у участников, забились сердца сильнее, и полилась к Полине волна. Поднялась паутина на лучах коконом, свернулась шаром, впиталась в королеву – и тут же огонь тоже окутал ее, и опали костры, оставив за собой шесть черных дымов, шесть пятен. И Полю, лежащую на спине в человеческом облике.

Демьян понял, что все это время не дышал.

Линии связей, линии жизни, продолжали тускло светиться, и едва заметно сияли знаки на телах у всех участников ритуала.

Тайкахе склонился к Полине, положил руки на тело и попросил:

– Живи, женщина-солнце, живи, названная дочь моя. Вот уйдешь ты, и не будет у меня дочери, а нельзя так, ой нельзя. Живи!

И Полина вдруг глубоко вздохнула. Но глаза ее оставались закрытыми.

Шаман торжествующе выпрямился. Повел рукой в сторону бубна – и тот скользнул ему в руки, – и забил в него снова, затанцевал по кострам кругом, раскручивая спираль. Склоняясь и разгибаясь, обошел всех девочек и велел Ангелине:

– Иди первой, дочь Воина, как старшая. Прикладывай ладонь к телу сестры своей и говори ей, зачем ей жить, зачем сюда, к вам человеком насовсем возвращаться, душой навсегда, пока тело живо, пришиваться. Не думай только, что говорить, говори то, что первое на ум пришло!

В голове у Демьяна стало пусто – он старательно гнал из головы мысли, что хотел бы сказать Полине, и продолжал держать вытянутыми руки.

Ангелина Рудлог шагнула к сестре и опустилась перед ней на колени. Приложила ладони со знаками ей к груди и проговорила так уверенно, как приказала:

– Ты должна жить, потому что наша семья не полна без тебя, Поля.

Из-под рук ее разлилось сияние и впиталось в Полину. И знак, на котором она стояла до этого, погас, и линия жизни запульсировала – и погасла. А Полина вновь вздохнула глубоко и умиротворенно.

Ангелина с нежностью провела рукой по плечу сестры и пошла обратно.

– Теперь ты, – велел шаман, указывая на Василину.

Королева Рудлога тоже опустилась у сестры и тоже прижала ей руки к груди.

– Живи, потому что мы любим тебя, – сказала она тепло, и под ее руками вспыхнуло сияние, и погас ее знак и линия. И раздался ответный вздох.

Марина Дармоншир на колени опускалась так тяжело, что Демьян едва не сорвался ей помочь. Но подхватил ее шаман, что-то причитая доброе, хорошее, и помог ей опуститься аккуратно, легко.

– Возвращайся, потому что мне скучно без тебя, Пол, – проговорила она и шмыгнула носом. И расплакалась там, пока звучал вдох Полины и свет впитывался в ее тело.

Тайкахе по-отцовски помог ей подняться, погладил по голове и отвел на круг. И пошла, медленно ступая, к сестре Алина. Отказалась от помощи Тайкахе, рухнула на колени.

– Живи, потому что жизнь удивительна, – прошептала она едва слышно. И ее слабый свет тоже вошел в тело Поли вместе со вздохом.

Младшая Рудлог шла легко и будто даже удивленно. Села в позу лотоса, безбожно пачкая длинное белое платье, и положила на сестру руки. И уверенно, звонко заявила:

– Ты вернешься и будешь жить, потому что я тебе такое расскажу! Вот увидишь, как ты удивишься!

Огонек из-под ее пальцев смешливо впитался в грудь сестры, и вдох Полины вышел слегка рваным, будто она вот-вот рассмеется. А вот встать Каролине удалось не с первого раза, пришлось переворачиваться на четвереньки, но зато обратно она тоже шествовала, как королева с испачканными коленями и ладонями. Демьян смотрел на них, на таких разных и таких любящих друг друга сестер, и вновь жалел, что у него нет братьев и сестер, что он один и рос один.

Опустился перед Полиной Игорь Иванович. Прижал к ее груди руки.

– Я так рад, что ты есть, – сказал он дрогнувшим голосом. – Живи, дочка, потому что ты лучшее, что я создал, не ведая этого. И твоя мать очень хотела бы, чтобы ты жила.

Вдох. Раздалось всхлипывание – Марина Рудлог все плакала, да и все девочки стояли с покрасневшими глазами.

И вот Тайкахе махнул Демьяну. И король опустился в угли, приложив руки к груди Полины.

– Живи, – попросил он сипло, – потому что у нас с тобой одна жизнь на двоих, Поля, и без тебя не проживу и я.

Замерцало под его рукой сияние, и сама Поля засияла невыносимо цветами всех великих стихий. Глаза ее задрожали, словно она хотела их открыть... но тут взвыл ветер, и услышал Демьян, как убыстряется биение ее сердца, и с небес потянуло холодом, и свет ее запульсировал быстрее, словно в агонии. И как в прошлый обряд, увидел он с ужасом, что черты ее начинают меняться, словно расплываться, превращаясь в медвежьи.

– Страх тянет ее от тела, – пел-выл Тайкахе, и бубен его бил, стараясь обогнать сердце, привести его к порядку, – боль тянет, обида тянет. Не дает с телом слиться, не дает!

Демьян сжал руки Полины. Угли по кругу начали накаляться – он чувствовал, как обжигает колени.

– Поля, – зашептал он, и запекло глаза хуже, чем пекло кожу, – возвращайся, прошу. Я прошу шанса помочь тебе забыть боль, забыть страх. Я так люблю тебя, Поля, так люблю!!!

Сердце ее стучало все быстрее, и он весь вспотел от страха. Бил барабан, выл ветер, пел Тайкахе. По сторонам от Демьяна огоньками стреляли потухшие костры. Сестры и Стрелковский стояли изваяниями, не смея сорваться с места.

– Я же весь твой, Поля, – прошептал он ей в губы. – Моя жизнь – твоя, и ты наполнила ее радостью и смыслом. Ты хотела троих детей, помнишь? Я дам тебе их, дам все, что только захочешь. Прошу тебя. Вернись ко мне. Дай мне шанс.

Слезы сорвались с его щек и покатались по ее, сияющим, холодным, – и не знал он, что оплакивает сейчас – то, что он с ней сделал или ту жизнь, которая могла бы быть у них, будь он менее самоуверенным, или ее бесконечное доверие, которое он убил, или те раны, которые она так самоотверженно пыталась лечить.

– Без тебя мне будет так холодно, – проговорил он, прижавшись к ее лбу лбом. – Ты – мой свет и мое тепло, Поля.

Взвился огонь, обжигая его – но ему было все равно, потому что он страшнее горел изнутри. Пламя загудело и вновь впиталось в Полину, и огненными дорожками пролегли по ее щекам уже ее слезы, показавшиеся из-под сомкнутых ресниц.

А затем она вдохнула глубоко. И открыла глаза.

Демьян схватил ее, сжал, прижал к себе, уткнувшись ей в шею. Она тоже обхватила его руками крепко-крепко.

– Я тебе говорил, что ты – моя жизнь, Поля? – с трудом выталкивая слова из горла, произнес он.

– Говорил, – прошептала она. – Но повторяй это почаще. Мне нравится. – Она оторвалась от него, огляделась. Улыбнулась сестрам и Игорю Ивановичу, которые то ли плакали, то ли смеялись от счастья, но не смели сойти с места, пока Тайкахе не разрешит. – Все, Демьян, да? Я теперь больше не буду уходить в сон?

Он, не отпуская ее, повернулся в сторону Тайкахе, который снял маску – под ним лицо было совсем мокрым и бледным, и, опираясь руками на бедра, опустился в своих шкурах на землю в двух шагах от них, разглядывая Полину и так, и этак.

– Наклонись ко мне, названная дочь моя, – попросил он. И, когда она это сделала, взял ее за подбородок, заглянул в глаза и что-то прошептал. И с радостью ударил ладонями по коленям.

– Все, эйх! Крепко душа пришита, медвежья жена, крепки нити жизни, что тебя здесь держат! А вы стойте, – прикрикнул он на беспокойно переступающих на потухших знаках сестер и Игоря Ивановича. Окрик его прозвучал не обидно, как от сварливого, но доброго прадедушки. – Стойте, не сходите. Сейчас я стихии тут выправлю, связь с посмертной сферой запечатаю, да каждому травяного меда для удачного завершения обряда налью. Все нужно правильно заканчивать, пташки огненные да человек военный. Начинать-то всякий горазд, а вот правильно закончить...

Он встал, и вновь запыхал костер – теперь не поджигал его Тайкахе, а нырнула к сложенным варрантом поленьям бабочка-искрянка. Второй варрант набрал воды из озерца в котелок да на огонь поставил, а Тайкахе над котлом тем пошептал, рукой повел, словно собирая из воды что-то, да темную пыль из ладони на землю высыпал.

– Это чтобы вы от питья носы не воротили, – засмеялся-закрякал он, и на лице Ангелины Рудлог прочиталось явное облегчение.

Добавил он в воду меда из маленького горшочка да настоев разных. Оставил вариться, а сам пошел вокруг Полины и Демьяна снова – там пошепчет, там в бубен побьет, там рукой поведет, там в рот настойки из меха наберет и прыснет. Странные действия в тишине ночного замка, но Демьян, держа в руках Полину, которая с любопытством поворачивала голову за шаманом и переглядывалась с сестрами, ощущал, как успокаиваются стихии, встают на место. И не было уже над замком двух божественных фигур, только яблоками пахло и медом от котелка. И умиротворение опускалось на всех под деловитое, усталое, хлопотливое бормотание-пение шамана.

Травяной мед Тайкахе остудил, просто сняв котел с огня и подув на него – варево сразу перестало парить. А затем шаман налил напиток в маленький рог, болтавшийся на ремне у него на поясе, и весь котел в этот рог вошел под изумленный возглас Полины и принцессы Алины.

– Первая пей, – протянул он рог Ангелине, – да не урони, тяжелый. А ты, – обратился он к Полине, – последней, после мужа твоего, и мне отдашь.

Ангелина Рудлог рог приняла с усилием. Отпила глоток, с усилием же передала Василине. Младшим шаман помогал держать, Игорю Ивановичу как отцу приказал сделать три глотка, и отнес так и сидящим на кострище Демьяну и обнаженной Полине.

Мед пах цветами и травами, плодородием и долгой жизнью, летом и счастьем, – разглаживались лица тех, кто пил его. И Демьяну в груди после глотка стало легко-легко, и Полина разулыбалась, а Тайкахе, сделав последний глоток, вылил остатки в огонь, поклонился ему и попросил:

– Донеси, пламя-огонь, подношение до богов, пусть и им вкусно будет, пусть увидят, что обряд завершился.

Огонь взвился тонкой струйкой выше стен замка и погас. И покатались по стенам замка зеленые волны, заревели варранты-стражники, и, получив сигнал о том, что все благополучно, радостно завопили люди и берманы на площади. Глухо издали забили барабаны, полетели в небеса салюты – и пошла расходиться по истерзанной разломами стране волна праздника.

Людам даже в сложные времена нужны поводы для радости.

Долго потом еще обнимали Тайкахе, благодарили его на все голоса и все лады, а он, слабенький, только хехекал да поднимал руки с видом сделавшего большое дело, но смертельно уставшего человека. Демьян накинул на Полю подготовленное платье, и она тоже расцеловала Тайкахе в обе щеки и прижала крепко-крепко, а затем пошла к сестрам. И столько любви было в их объятиях, когда они стали единым кругом, столько понимания и тихого счастья, что мужчины на миг почувствовали себя неловко, будто надо было оставить их всех наедине.

И с Игорем Ивановичем, который стоял чуть в отдалении, Полина обнялась и тихо сказала ему «спасибо».

– Я рад, что хотя бы это мог сделать для вас, ваше высочество, – ответил он и неуклюже, словно сомневаясь, что нужно это делать, погладил ее по голове.

– Пожалуйста, навестите меня с Люджиной, – попросила Пол и, дождавшись утвердительного «Обязательно!», вновь пошла к сестрам.

Тайкахе убирал следы костров – по его приказу варранты втоптали головешки в землю, а он повел рукой, и покрыла следы от костров молодая трава.

Разлетались духи, уходили к замку варранты, подставив большие головы под почесывание Полины и лизнув крови Демьяна, которой он щедро поделился с ними из горсти. И Тайкахе, сев на землю, с умилением смотрел на сестер. Глаза его слипались, но он подманил к себе Марину.

– Что корешок мой не носишь? – сварливо спросил он.

– Найду, надену, – пообещала третья Рудлог виновато.

– Носи, носи, – погрозил он пальцем, – пусть мальчишки твои побольше в животе побудут и родятся легко. И сама отдыхай, а то потом некогда будет, – и он засмеялся. А ты, – ткнул он в Ангелину, – столько детей под юбку себе взяла, а сама расслабиться не можешь, учишь, огнедева, учишь, а то так своего не заполучишь. – Он посмотрел на Василину, улыбнулся, прокричал довольно: – С тобой все хорошо, все у тебя в гармонии, – и обратил свой взор на Алину. – А ты что? Такая же тощая?

– Я стараюсь! – отозвалась пятая принцесса сердито. – Мед твой капаю!

– Тощая, но сильная, – одобрительно покивал старик.

– А я? – вмешалась Полина.

– А что с тобой? Все хорошо у вас будет теперь, – отмахнулся Тайкахе. – Страну потрясешь, конечно, перелепишь, как мужа перелепила, но то и хорошо. Глядишь, больше женщин в шаманки пойдет, а то не хватает у нас ведающих, – он подложил руку под щеку и с умилением несколько секунд любовался на нее. – А ты... – повернулся он к Каролине.

– Я еще маленькая, – с вызовом ответила она. – Но я приду. Не сейчас. Как четырнадцать исполнится.

– Мог я и не говорить, – хмыкнул он. Глаза его все больше слипались. Но он повернулся к одиноко стоящему Стрелковскому.

– Когда надо будет – отпусти, – сказал он. – Надо тебе самому в себя посмотреть. Хотя плох ты в том, чтобы отпускать женщин, да, служивый человек? – и он укоризненно покачал головой. – Запомнишь?

– Запомню, – пообещал Игорь Иванович и весьма почтительно Тайкахе поклонился.

– Вы идите, – повелел Тайкахе, когда Демьян шагнул было к нему помочь дойти до покоев, в которых был накрыт щедрый стол для старика. – Я тут пока, на земле полежу,

силу восстановлю. Много тут ее у вас, – и он погладил землю, а по стенам замка вновь пошли зеленоватые волны. – И до утра дайте мне тут поспать. Не нужны мне ваши перины, нет ничего слаще травы живой да родника из глубин земли рядом...

Демьян с Полиной проводили сестер и Стрелковского до телепорта – и все гости ушли в Рудлог. За окнами продолжали греметь салюты, но король и королева собрали для Тайкахе снеди в корзину и отнесли ее во двор. И приказали варронтам никого не пускать до утра, пока шаман сам не выйдет.

Старик уже спал, растянувшись звездой на траве лицом вверх, а на груди его уютно свернулась крошечная совушка-ветерок, чьи перышки трепетали, а глаза светились белым, и белое сияние шло от нее к Тайкахе. Демьян мягко поставил корзину в траву и пошел к Полине.

Они будут долго принимать вместе душ и говорить обо всем на свете, ужинать, слушать, как возвращаются в замок его жители – гвардейцы и слуги, фрейлины и заложные дети кланов, – смотреть из окон на веселящуюся площадь, а затем Полину, как будто она и не спала почти сутки, потянет спать. И они лягут в супружескую кровать.

И не смогут заснуть до шести утра. Будут лежать, обнявшись, и тогда, когда на площади уже установится тишина и начнет заниматься рассвет. Заснут только после того, как часы покажут пять минут седьмого – а Полина останется человеком.

* * *

Сестры Рудлог, перешедшие в телепорт-зал дворца Рудлог, прощались. Через пару минут после их появления в зал торопливо вошел совершенно не сонный Мариан, пожал руку Стрелковскому, обнял жену.

– Дети спят. Все удалось? – тихо спросил он. И успокоенно замер после утвердительного ответа.

Отправил Стрелковского через Зеркало домой дежуривший (точнее, дремавший) в зале Зигфрид Кляйншвитцер. Начал настраивать телепорт для того, чтобы вернуться в Дармоншир Марина.

Каролина, получив на трое суток неожиданную свободу, сияла и рвалась поскорее в свою старую комнату.

– Я у тебя до послезавтра пробуду, – важно вещала она Василине, и та рассеянно кивала, – а затем в Истаил к Ани. И в Тафию хочу попасть! А папа пока здесь будет. Надо будет к нему зайти, а то он переживает наверняка, – спохватилась она.

– Святослав Федорович не спит, он ушел на кладбище, – сообщил Байдек. И все поняли к кому отец пошел.

– Тогда зайду к нему завтра, – вздохнула Каро. – Спать хочу, – и она деликатно попыталась сдержать зевок.

– Цэй Ши что-то потребовал за помощь с Каролиной? – вполголоса спросила у Василины Ангелина.

Королева Рудлога качнула головой.

– Сказал, что не принято вмешиваться в обет другого Ши, но в виде исключения он даст своей крови равновеснику, так как понимает серьезность ситуации. И благодарности ему не нужно ничего. Но он уточнил, не против ли я, что полки на помощь Югу Рудлога поведет Вей Ши.

– Он расщедрился на полки? Опутывает долгами, чтобы мы отдали ему Каролину, – заметила Ангелина. Королева кивнула.

– Каро, – со смешливой серьезностью вмешалась Марина, – ты как-то рано заневестилась!

– Я вообще-то не против помолвки, – огорошила всех Каролина.

– Ты же не хотела замуж? – удивилась Алина и присмотрелась к сестре. – Тебя не обработали ментальным внушением?

– Да ну, – фыркнула Каро, – это же межгосударственный скандал, ты что. Нет, я правда не против.

Ангелина покачала головой:

– Каролиш, ты еще не понимаешь этого и доверяешь людям, которые тебе симпатичны. Но, понимаешь, тобой могут манипулировать, хитрить ради своих целей...

– Я все понимаю, и я не против, – в третий раз голос младшенькой звучал уже чуть обиженно. – Что вы со мной как с маленькой? Соглашайтесь на помолку. Василина, тебе же нужны эти... крепкие связи с Йеллоувином, да? Соглашайся.

– Мы еще поговорим об этом, милая, – дипломатично проговорила Василина. – А сейчас всем пора спать...

– Ты что-то видела, да? – догадалась Марина и все уставились на Каролину с внезапным пониманием.

Она выглядела очень довольной.

– Видела. Нашу с Веем свадьбу. Так что не отказывайся, Вась. Он классный, правда, хоть и грубоват. Но уже исправляется.

– Ты что это, влюбилась в него? – с изумлением спросила Алина. Старшие сестры молчали, а Зигфрид постарался слиться с телепортом, чтобы его только не заметили.

– Да ты что, – рассмеялась Каролинка вполне искренне, и сестры расслабились. – Мы с ним дружим. Ну, я с ним, – призналась она. – Он со мной нет, но он полезный, понимаете? Много интересного показывает. И рассказывает. Я просто, как во сне видение мелькнуло, подумала, ну мне же надо к нему присмотреться, да? Увидеть, какой он? С чего-то же я в будущем соглашусь за него замуж? Сейчас-то я совсем замуж не хочу, хочу быть свободной художницей, путешествовать, учиться, – она мечтательно зажмурилась. – Вот рассмотрю его получше, получу от него знаний, заодно и решу, нужно или нет.

– Мы подумаем, – примирительно сказала Василина и взглянула на Ани. Та кивнула. – В принципе, помолвка открывает некоторые перспективы... А еще, – королева повернулась к Алине. – Я попросила Цэй Ши встретиться с тобой. В ближайшие дни он сильно занят, но нас оповестят, когда мы с тобой сможем навестить Пьентан снова.

– Спасибо, Васюш, – вздохнула пятая Рудлог. И вдруг, потеряв глаза, тоже зевнула.

Все обернулись к Зигфриду.

– Проход готов, – мрачно сообщил он и отступил. И с каменно-унылым лицом наблюдал, как сначала уходит в Дармоншир Марина, а затем в Пески Ангелина.

А Василина, коротко поцеловав Мариана – опять они поняли друг друга без слов – пошла провожать младшеньких спать. Шепнула у дверей покоев Алине: «Я загляну к тебе», – пошла дальше с Каролиной к ее покоям.

– Ой, – спохватилась младшая Рудлог перед своей дверью. – Я же не сказала Полине, что ее очень удивит!

– И что же? – спросила Василина, обнимая младшую – которая уже выросла выше нее, а была еще дитя дитем.

Каролина засмеялась.

– Я видела ее в генеральских погонах, – сообщила она доверительно. – Представляешь? А я ведь знать не знаю, как выглядят генеральские погоны в Бермонте. А тут само как-то пришло. Эполеты такие зеленые. С медведями золотыми и пшеничными колосьями.

Василина тоже засмеялась. Легко было смеяться в этот вечер, когда и большая война была почти позади, и большая тяжесть, связанная с Полиной, упала с сердца.

– А что тебя удивляет? – спросила она, открывая дверь Каролининых покоев. Младшая сестра зашла, остановилась, и было видно, как она соскучилась по дому. – По-моему, в случае Полины все вполне логично.

– И правда, – кивнула Каро. – Спокойной ночи?

– Посидеть с тобой? – предложила Василина, с нежностью глядя на нее.

– Нет, – младшая мотнула головой. – Ты иди... тебя там Мариан ждет. А я уже взрослая.

– Да, – вздохнула Василина. Поцеловала ее щеку, погладила по голове. – Ты уже совсем взрослая, малышка. Как же быстро мы все выросли и как быстро все поменялось... спокойной ночи.

Заглянула королева и к Алине. Там, в покоях, дежурила медсестра, но пятая принцесса, пусть медленно, неуверенно, но раздевалась сама. И в душ побрела сама.

Василина зашла за ней в ванную, улыбнулась. Алина как раз открыла в душевой кабинке душ.

– Я не смущаю тебя? – уточнила королева.

Сестренка, костлявая, тощая, но уже выглядевшая явно поживее, чем сразу после пробуждения, помотала головой.

– Меня теперь, наверное, ничего не может смутить, – призналась она со вздохом. Задрала голову, улыбнулась. – Боги, какое это счастье – душ, Василина!

Василина смотрела на нее и старалась не расплакаться снова. И Алина что-то почувствовала, посмотрела на нее внимательно, слабыми руками размазывая по телу пахнущую хвоей пену мочалкой.

– Так почему ты не пошла спать, а пошла ко мне, Васюш? Ты что-то хотела узнать?

– Хотела, – кивнула Василина. – Хотя это ждало до завтра. Что ты будешь дальше делать, Алин?

– Восстанавливаться и возвращать мужа, – тут же ответила принцесса с некоторым даже вызовом. Будто все ждала, что ей что-то запретят.

Впрочем, у нее были на то основания.

– Это понятно, – вздохнула Василина. – Я ведь не сказала тебе – я дала указание Маг-Коллегии заняться вашим случаем. Над тем, чтобы понять, как можно вернуть... твоего мужа будут работать лучшие магученые из министерства магии. Так как единственной возможной связью с лордом Троттом сейчас являешься ты, то тебя будут держать в курсе – я приказала отчитываться тебе с периодичностью в неделю. И, возможно, ты понадобишься им для каких-то опытов.

– Спасибо, – пробормотала Алина растерянно. – Спасибо, Васюш.

– Не могла же я оставить тебя один на один с этим, – проговорила Василина, страстно желая обнять сестру, снять с нее немного той боли, что она испытывает. – Но я имела в виду – что ты будешь делать помимо этого? Вне зависимости от того получится его вернуть или нет?

– Буду учиться дальше, – ответила Алина задумчиво. Вода лилась по ее плечам, и она рассеянно водила по животу мочалкой. – Я уже размышляла об этом. Нужно узнать, есть ли возможность создать амулет с личиной Алины Богуславской, Вась. Не хочу быть в университете в статусе принцессы. Но не уверена, что возможен точный повтор, разве что мой старый образ смогут вытащить из моих воспоминаний и перенести в носитель.

– Я понимаю, – отозвалась Василина. – И так будет проще в плане безопасности. Я поинтересуюсь у Зигфрида, возможно ли это.

– И я бы хотела найти тех темных, кто защищал меня на Лортахе, – колебавшись, сказала Алина. – Они погибли там, но должны быть живы здесь...

– Подойдешь к Тандаджи. Я дам ему указания выделить группу для поиска этих людей. Алина благодарно качнула головой с завязанными наверх длинными волосами.

– А еще... я хочу иметь возможность уходить в дом мужа, когда захочу, Вась.

Василина на миг прикрыла глаза.

– Только предупреждай нас, милая, – попросила она. – Если это все, то я, в свою очередь, спрошу тебя, Алиш. Тебе уже семнадцать, а в доме Рудлог принцессы начинают выходить в свет в шестнадцать. Я знаю, что ты далека от светской жизни, но вдруг ты хочешь свой первый бал, и представление свету, и официальный статус?

– Нет, – с ужасом отказалась Алина. – Не надо, Вась. Я пока не готова.

– Я так и думала, – усмехнулась Василина. – Но рано или поздно это придется сделать. Нам еще что-то писать в учебниках истории, Алина, и в газетах, как-то объяснять, из-за чего случилась война, как пришли сюда чужие боги и как удалось вернуть Жреца. И я бы и не хотела светить твое имя, но несправедливо будет не отметить твой вклад для истории. И политически недальновидно. А когда информация пойдет в народ, тебя захотят видеть.

– Я понимаю. Справлюсь. Спасибо тебе, – серьезно проговорила пятая Рудлог. – Спасибо, что помогаешь, Вась.

– Зачем мне вся мощь страны, если я не могу помочь тем, кого люблю, – слабо улыбнулась Василина. – Спокойной ночи.

Глава 4

15 мая, Тафия, Четери

Звякнули колокольчики почтового телепорта, и Четери, только что отпустивший управляющего Эри, поднялся из-за стола. Телепорт сиял сплетением пространственной стихии отца Инлия со стабилизирующими земли и гармонии, и дракон уверенно сунул в чашу руку и достал письмо, вложенное в источающий аромат жасмина конверт.

Вчера в Тафию на короткое время заглянул Матвей, проходивший службу в корпусе боевых магов на Юге Рудлога. Навестил родных, подождал Чета, который принимал послов от эмиратов, пришедших с множеством подарков и желанием наладить с городом торговлю.

– Нас учили артефакторике, – сказал Ситников, пока слуга накрывал для Четери поздний обед в гостиной их со Светой покоев. Четери слушал, следя за движениями слуги и собеседника, соотнося звуки с перемещениями ауры, вдыхал запахи – от людей и от еды. Следил он и за эмоциями: от Матвея шло сочувствие, но не удушающее, а спокойное. – Я не самый умелый артефактор, но у меня много силы. Поэтому я сделал вам кольцо для чтения. Нас такому учили, есть готовые формулы со встроенными алфавитами и слогами, но только, – он вздохнул, – языка Песков там не встроено, Пески же недавно возродились. Однако, – студент оживился, – вы можете его обучить. Если показать хотя бы сто слов и озвучить их, то оно поймет принцип и будет читать.

– Это уже очень много, – искренне сказал Четери. – Спасибо тебе. В наше время не было таких артефактов. Магистру Нефиди будет интересно узнать, как шагнула вперед магическая наука.

– Оно очень простое, – смутился студент. Протянул руку с кольцом, затем, словно спохватившись, дернулся вперед, но Четери уже взял сияющее сплетением стихий плоское кольцо с вдавленным прозрачным камушком. Надел на указательный палец.

– Работает как накопитель с озвучкой, – пояснил Матвей. – Если провести им по тексту или над текстом, то озвучит, что написано. Попробуете?

И он снова достал из кармана что-то непонятное, раскрыл – стихия земли едва различимо приняла контуры маленькой книжки. Чет перевернул кольцо камнем вниз, провел над «книжкой» рукой.

– ...ежедневно в 18.30 отработка спаренных заклинаний... отбой в 21.00... – мягким женским голосом озвучило кольцо.

– Такие артефакты лет десять назад создала Таис Инидис, – пояснил Матвей с некоей веселостью, – она вшила в матрицу кристаллов свой голос, и заготовки копируют его. Есть еще такие же обручи, – он поколебался, – они помогают передвигаться, озвучивают, что перед тобой. Я могу сделать такой для вас, Четери.

– Понятно, – усмехнулся Четери. Откусил горячую, сладкую лепешку. – Я пока попробую без обруча. Но ты ведь пришел не только чтобы подарить мне этот артефакт?

– Нет, – как будто чуть сомневаясь, пробасил Матвей, – еще мне нужно научиться обращаться с вашим клинком.

– Я рад, что они выбрали тебя и Вей Ши, – проговорил дракон. – Вы оба этого достойны.

– Только я ничего не умею, – пробурчал Ситников с неловкостью. – Поэтому я решил, что все-таки хочу быть у вас учеником. Еще и маме с Машкой тут нравится, мама говорит, что если будет школа, останется здесь... – он спохватился. – Если не передумали и возьмете меня, конечно.

– Мне Алина уже сообщила, – ответил дракон. Ему тепло было на сердце оттого, что о нем заботятся, тепло оттого, что старая история закрывалась и потомок Лаураса будет у него уче-

ником, а сын Четери Марк – стал их с Лаурасом общим потомком. Было в этом что-то правительное.

– Она уже и здесь побывала? – удивился Матвей. А затем подумал и кивнул серьезно. – Ну конечно же побывала.

– Она и сегодня будет после заката, – ответил Четери. – И каждый день будет приходить. Хочешь дожидаться ее?

Ситников задумался. Глотнул чая. Покачал головой.

– Не могу, у нас все строго. Увидимся еще, я обещал ее навещать. Я все равно, – голос его смягчился, – ощущаю, что она вне опасности. Но сны от ее лица прекратились. Это значит, что связь ослабла?

– Твой предок Лаурас говорил мне, что связь обостряется тогда, когда тому, кого ты защищаешь, угрожает опасность, – покачал головой Чет. – Сейчас ее нет.

– Все же мне действительно надо у вас учиться, – вздохнул Ситников и тоже потянулся к чему-то на столе. – Я из-за этой связи как больной хожу, не понимаю, где мои чувства, а где магически наведенные. Только, – он снова замялся, – я смогу к вам прийти после того, как закончу универ. И если согласитесь, что смогу совмещать ученичество с работой.

– У тебя будет выбор, – пообещал Четери, дивясь тому, как в этом огромном мужчине, волей судьбы имеющем великую силу, как физическую, так и магическую, осталось столько деликатности, скромности и доброты. Он еще не возмужал окончательно и было в нем еще что-то от неуклюжего щенка-подростка, но то, каким он станет в какие-то десять лет, ощущалось и сейчас. – Ты сможешь работать у Нории, я поговорю с ним, и он будет счастлив иметь придворным магом такого сильного мага как ты, поверь. А захочешь – сможешь работать тут же, в Тафии, и учиться у меня, и еще и преподавать в университете. Ты выберешь то, что тебе больше по душе.

– Спасибо, – ответил Ситников со вздохом. – Но до этого еще год как минимум. А с клинком мне нужно учиться взаимодействовать уже сейчас. Вы не покажете мне хотя бы начальный минимум?

Четери покачал головой. Нашупал на столе миску с остро пахнущим мясом, ложку, принялся есть.

– Я пока не хочу брать в руки клинки, – сказал он через некоторое время и от Матвея потянуло сдерживаемой, невыносимой жалостью. – Но я решу этот вопрос. Подожди немного, хорошо?

– Хорошо, – снова вздохнул Матвей. – Вы думаете, я когда-то научусь с ним работать, как вы?

– Нет, – ответил Четери честно. Почти точно взял питьевой кувшинчик с холодным морсом, но не стал пить из него, заставил себя найти чашку, налить в нее. – Слишком поздно ты придешь в ученичество, ты негибок, да и нет в тебе той тяги к оружию, что была у твоего предка – той, что определяет склонность к бою, талант ощущать его. Ты по натуре – защитник, а не атакующий, твоя сила тяжеловесна, и я сейчас не о физическом весе. – От студента пошло расстройство, и Чет закончил: – Но раз клинок признал тебя достойным, я научу тебя на твой максимум, и это будет полезным для тебя умением.

– Спасибо, – задумчиво ответил Матвей. – Спасибо за откровенность.

Кольцо, подаренное Ситниковым, холодило указательный палец, но Чет не торопился использовать его. Он вытащил лист из конверта, разложил его и аккуратно провел по нему кончиками пальцев, пытаясь ощутить буквы.

Он по опыту знал, что нельзя полностью полагаться на артефакты. Если есть возможность использовать потенциал своего тела – нужно это делать.

Света упоминала, что в газетах Рудлога писали о случаях, когда слепые учились читать пальцами. Но пальцы его, чрезвычайно чувствительные, ощущали лишь разницу между пустым местом и заполненным строками. Он не расстроился: на все нужно время.

При мысли о Свете его кольнуло чувство вины. Он, привыкающий жить в мире без зрения, делал вид, что все в порядке. Она, от которой волнами шла тревога и сочувствие, горячая любовь и нежность, поступала так же. Но понимала, что все не так, как любая любящая женщина, и тратила силы, которые должна была тратить только на ребенка, на него, Чета. Укачивала ночью малыша – и, укладывая его между ними, целовала и ребенка, и Чета, и он сквозь сон слушал, как кормит она, и успокаивался этим звукам и запаху молока. А то и сам вставал и подносил Марка Свете, и ждал, пока она покормит, и после носил его на себе, не давая ей вставать.

Его бой уже был позади, но она именно сейчас проходила свою битву. Уставала, не высыпалась, и часто спала днем, когда родители или Чет забирали малыша. И при всем этом ухаживала за Четери, расчесывая ему волосы и заплетая их, приносила ему иногда обед в кабинет – хотя были слуги, но она хотела сама, – обнимала, рассказывала, как дела в городе, где она гуляла каждый день, пыталась шутить, а внутри истекала тревогой и горем.

Его сенсуалистская эмпатия, еще более обострившаяся в темноте, делала это почти невыносимым.

Лишь одно утешало ее – Марк. Да и сам Чет уже несколько раз брал ребенка на прогулки в парк, положив его в смешной слинг, похожий на платки, в которых жительницы Песков носили своих младенцев. От малыша, укутанного в стихийный дух гармонии, шла такая безмятежность, что это позволяло забыть, и Четери испытывал мягкое умиление, глядя на него внутренним зрением или качая его. И некоторое сожаление, что старших детей в младенчестве он и не видел – хотя так было у драконов принято. Было в этом единении с младенцем что-то новое для него, удивительное, и он был благодарен и миру, и Светлане за то, что перед закатом своей жизни смог познать новую его грань.

Благо, Света ни разу не сказала, что боится, что Четери упадет или наткнется с ребенком на что-либо. Она боялась, но отпускала их вдвоем. И за это он был ей тоже благодарен.

Бумага пахла жасмином и лотосом, и уже поэтому Четери понял, что письмо из Йеллоувиня. Повел над ним кольцом, и начал слушать:

«Владыке Четери, Мастеру Клинков.

Владыка, с огромным прискорбием принимаю тот факт, что по состоянию здоровья вы не могли присутствовать на моей коронации и я не мог лично выразить вам свое почтение и безмерную благодарность за ваш вклад в спасение Туры. Ваша слава в Йеллоувиня не утихает уже пять сотен лет и йеллоувинский народ в моем лице смиренно склоняет голову перед вашим мастерством и вашим путем. Очень надеюсь, что мы сможем лично пообщаться во время моего визита в Пески, даты которого сейчас согласовываются.

Однако пишу я вам для того, чтобы попросить содействия в другом вопросе. Мой сын, Вей Ши, волей моего отца и его деда, восславленного в веках Хань Ши, проходит у вас обучение. Однако ближайшние несколько месяцев его присутствие потребуется на Юге Рудлога: я хочу отправить на помощь в зачистке иномирян несколько полков и поставить его командующим. Как отец Мастеру могу сказать вам, что мог бы отправить туда кого-то из славных генералов Йеллоувиня, однако решение это продиктовано тем, что Вей Ши полезно нести ответственность за разных людей, в том числе простых, и это послужит делу его воспитания, а также закроет некоторые политические вопросы.

Я не посмею испытывать недовольство или как-то давить на вас в том случае, если вы посчитаете это лишним или способным помешать вашему обучению и воспитанию. Однако

если вы тоже посчитаете, что это пойдет на пользу, прошу отпустить его не позже 16 мая, чтобы он смог получить все указания и отправиться вместе со своими бойцами на Юг Рудлога.

Обещаю, что это первый и последний раз, когда я прошу вас о подобном одолжении. До окончания обучения, помимо этого случая, единственное, когда Вей Ши должен будет отлучаться – это при участии в памятных семейных церемониалах, да на свои свадьбы.

Приму любой ответ с пониманием.

Император Йеллоуиня, Цэй Ши»

Шаги Вей Ши Четери расслышал на середине письма, еще когда ученик легко шел по коридору. Слух усиливался, компенсируя темноту, и мозг еще легче вычленил из окружающих звуков знакомые или необычные звуки. И нюх стал острее. Но все это не возвращало возможности видеть.

Когда Вей Ши открыл дверь писчей комнаты, расположенной перед кабинетом, Четери коснулся крошечного артефакта вызова.

– Позови сюда моего ученика, Денеири, – попросил Четери заглянувшего в кабинет помощника, который был личным писцом еще Владыки Теонии, бывшего Владыки Тафии и мужа Огни.

Помощник не удивился – отступил в сторону и через несколько мгновений закрыл дверь за Веем Ши. Дракона накрыло мягкой золото-фиолетовой аурой, в призрачном лотосе которой россыпью вспыхивали красные огоньки. Силуэт ученика поклонился.

– Мастер, мой отец ночью связывался со мной и велел прийти к тебе к полудню и узнать твое решение.

Четери знал, что Вей Ши уже приходил во дворец через сутки после коронации отца и окончания всех положенных ритуалов. Но дракон был занят делами разрушенного города, и Вей не стал ждать, а попросил Светлану передать, что за ним остался еще один долг – положить меч старика Амфата на могилу его жены, и потому он снова уходит на несколько дней и знает, что учитель его благословит.

Чет, услышав это от Светы, одобрительно качнул головой. Молодой воин научился принимать верные решения и отдавать долги даже тогда, когда никто не узнает, что ты не отдал.

Четери также знал, что решил Вей поселиться в доме старика Амфата. А связь с учеником подсказала ему, что два дня назад дошел он до своей цели и сразу же начал путь обратно в Тафию. Знал дракон и о том, что вернулся Вей Ши вчера вечером. А еще Четери докладывали, что ученик тут же пошел за разрушенную трещинами и боями городскую стену, к ближайшему к городу холму, заросшему лесом. Там велось строительство новой обители.

Настоятель Оджи подходил к Четери с вопросом, может ли братия занять этот холм. Потому что на месте старой обители сиял переход, и восстановить там ничего было нельзя.

– Видно, Тафии пришло время расширяться, – сказал тогда Чет. – Стройтесь, отец Оджи, а я, как только восстановим город, тоже отправлю к вам рабочих. Хотя, впрочем, у нас здесь достаточно пленных, чтобы они послужили богоугодному делу.

Теперь там братья и послушники возводили стены пока что скромного деревянного святилища, меняясь с теми, кто помогал в Тафии в храмах и часовнях разных богов, принимая жаждущих духовной помощи там. И Вей, не успев вернуться, тут же пошел помогать.

Однако его накормили и отослали спать, но с раннего утра он, совершив пробежку по городу и отзанимавшись на берегу Неру, вновь пошел туда.

Сердцу Четери была мила такая дисциплинированность и усердие. Но они же вредили, скручивая ученика в тугую пружину – оттого и проявления чувств в нем случались разрушающими. В нем было много долга и ответственности, из-под которых едва пробивались доброта и привязанности. Так он был собран, что не было в нем полутонов и мудрости понять важность

этих полутонов. И очень нужен был ему противовес. Хорошо встала на эту роль малышка-Каролина, но слишком мала она была, чтобы быть Вею наглядным примером. Однако сама судьба дала ему такой противовес.

– Я рад, что ты вернулся, – сказал Четери искренне. – Что ты узнал на своем пути, Вей Ши?

Принц задумался.

– Я шел по лесам, которые когда-то были барханами, Мастер. И понимал, что нет ничего постоянного в мире и всегда нужно быть готовым к тому, что все переменится.

– А еще, Вей Ши? – полюбопытствовал Чет.

В голосе ученика проскользнуло едва заметное удивление.

– Я спросил у стариков, соседей Амфата, как добраться до оазиса Вина, где похоронена жена Амфата, и они сказали мне двигаться на закат. Но когда я добежал тигром до одного из поселений, оказалось, что я ушел сильно в сторону. И я понял, что нужно всегда проверять, куда движешься, иначе даже с ясной целью можно зайти не туда.

– Было ли еще что-то, Вей Ши?

Теперь Вей ответил после долгой паузы.

– Я дошел до оазиса Вина, который теперь озеро среди лугов и лесов, Мастер. В нем оставались люди, знавшие Амфата, и они показали мне нужное место. Там, на кладбище, много было могил, уже заросших лесом, и я погрузил меч в дерево, что выросло над могилой жены Амфата, и попросил равновесника охранять его. Он фонит красной стихией, а, значит, рано или поздно его найдет воин, которому по рукам двуручный меч и которому он пригодится даже в наш век. Если кто захочет взять меч, он должен быть не менее сильным, чем Амфат, и отгадать три загадки.

– Это уберезет его от случайных и злых людей, – одобрительно кивнул Четери.

– А понял я, – продолжил Вей Ши, – что под моими ногами лежат люди, которые любили, растили детей, жили свою жизнь, и вот уже не помнит их никто и будто и не было их. А Амфата будут помнить в веках, потому что он покрыл свое имя славой. Но значит ли это, что простая жизнь пуста, учитель?

– А кто же хранит память о великих, как не простые люди? – отозвался дракон. – Кого защищают великие, как не простых людей? Кто вырастил и любил великих, как не они? В простоте той, Вей Ши, суть земли, потому что не только наследие определяет величие, но и среда. Те люди стали корнями, поднявшими героя в небеса, давшими ему силу. Встал бы Амфат против врага, если бы не любил эту землю и ее людей превыше себя? Он сам был и велик, и прост, и в этом секрет величия.

Ученик покачал головой. Не мог он пока это принять. И Четери не стал спешить.

– Зачем я спрашиваю тебя об этом, Вей Ши? – спросил он.

– Чтобы я из всего извлекал уроки? – тут же ответил ученик.

– Верно, – похвалил его дракон. – Мы смотрим в себя через призму мира. И в мире видим то, что нужно нам сейчас. Главное – не забывать смотреть.

– Спасибо, Мастер, – проговорил Вей Ши и склонил голову.

– И тебе от меня спасибо, – тепло произнес дракон. – Ты приходил в мой сон, утешал Свету, ты помог ей и моему сыну.

– Я обещал тебе защищать твою супругу, Мастер, – даже слегка укоризненно отозвался ученик, как бы говоря: не за спасибо, а за честь делал. Поколебался и все же спросил.

– Кто эта женщина? Та, что видел я в твоих воспоминаниях?

– Афаита, – сказал дракон. И улыбнулся, ощущая, как нежность и горечь заполняют сердце. – С ней я впервые понял, что есть любовь, Вей Ши. И она та, с кем я впервые потерпел поражение, хотя все силы вложил в то, чтобы победить.

Он ощущал, что принцу хочется спросить еще о том, что он видел в его воспоминаниях. Но он не стал, и Чет одобрительно качнул головой.

Вей Ши сказал другое.

– Если ты хочешь, Мастер, – с едва заметным сомнением предложил он, – я мог бы сделать тебе артефакт, который позволит каждую ночь погружаться в твои воспоминания. Туда, где ты сможешь... видеть и встречаться со своей женщиной.

Это было искушение, которому Четери на мгновение почти поддался.

– Никогда больше не предлагай мне этого, – попросил он и от ученика кольнуло легкой обидой. – Я знаю, что ты сделал это от чистого сердца. Но мы все одновременно сильны и слабы, Вей Ши. Я и так разбит, и есть риск, что я все больше буду уходить туда, где вижу мир, пока однажды не перестану возвращаться.

– Я понял, Мастер, – сказал Вей Ши. – Прости. Что ты скажешь в ответ на просьбу моего отца?

– А чего хочешь ты, Вей Ши? – мягко спросил дракон, откидываясь в кресле.

Принц стоял выпрямившись, сложив руки за спиной. Не спешил с ответом. И Четери не торопил его – обдумывание вопроса лучше, чем поспешность.

– Мне спокойно и хорошо, когда я помогаю братьям, – сказал ученик наконец. – Я понял, как хороша размеренная жизнь, учитель. Но в бою моя душа словно поет и расцветает, и никогда и нигде я не испытывал такого упоения, как в битве. Однако я бы не потакал желанию боя, если бы не был обязан пойти во главе войска в Рудлог, чтобы исполнить желание моего деда.

Четери не стал спрашивать, какое желание. Между учителем и учеником не может быть секретов и секреты ученика учитель не разгласит. И Вей, нехотя, после паузы добавил:

– Я обещал ему, что женюсь на красной Каролине, когда она достигнет брачного возраста.

Чет не удивился. Он бы удивился, если бы этот вопрос Хань Ши не поднял.

– Ты хочешь этого брака? – спросил он.

Он не видел глаз, не видел лица – и это было очень сложно. Можно было судить только по движениям. Вот сейчас Вей едва заметно качнул головой.

– Это принесет много проблем, – проговорил он уверенно. – Усложнит все, Мастер. Мои невесты – предсказуемы и подчинены порядкам, установленным в Йеллоувине. Они не могут выйти из традиции, они впитали ее с воздухом, с молоком матери. Но девочка Рудлог не такова. Ей будет очень сложно, мне будет сложно, всему Йеллоувину будет сложно. Но я дал слово.

– Понимаю, – ответил Четери. – Ты мне сказал, что хочет твой отец, чего хотел твой дед. Но ты не сказал, чего хочешь ты сам, Вей Ши.

Ученик пошевелился и Чет понял, что он смотрит прямо на него.

– Я хочу тренироваться с тобой, Мастер. Хочу, чтобы ты учил меня. Как было до того, как ты меня наказал.

Четери покачал головой. Когда-нибудь он снова встанет с клинками и ощутит упоение от движения. Но не сейчас. Не в ближайшее время. Он каждый день сталкивался с тем, насколько он сейчас ограничен, и страшился того, что ощутит, взяв в руки клинки.

– Ты не сказал мне два слова, которые должен сказать. Точнее, сказал, но во сне. «Ты неправ». Это и есть твой ответ, Вей Ши?

Принц неожиданно усмехнулся.

– У меня много ответов, Мастер. И «Я понял». И «Спасибо, Мастер». Но все же да. Ты был неправ, учитель.

– И почему же? – поинтересовался Четери. Ему действительно стало любопытно.

– Потому что я понял, что насилие порождает большее насилие, – ответил Вей Ши. – Насилием нужно решать лишь то, что нельзя решить словом, Мастер. Я был неправ, когда

напал на девочку и испугал ее. Ты был неправ, когда исполосовал меня. Ты рисковал запустить во мне пожар ярости, которая быстро переплавилась бы в жажду мести – и я при всей своей силе мог много плохого сделать и тебе, и городу, и миру.

– Почему же не сделал? – усмехнулся дракон.

– Дед сказал, что ты будешь мне и учителем, и отцом. А отец имеет право наказывать, – глухо отозвался Вей Ши. – И еще. Я читал о твоих подвигах в детстве, я с детства мечтал стать Мастером, я не мог поверить, что ты, величайший воин из легенд, жив и готов учить меня. Мне было обидно и зло, что ты не оценил меня и занимаешь глупостями, и я почти ненавидел тебя за то, что ты посмел высечь меня. Но ты сказал, что спас меня от высшего наказания, и я заставил себя в это поверить. Это ведь правда?

– Правда, – просто ответил Четери. – Ты должен был получить прекрасное образование и читать труды мудрецов. Разве ты от меня первого услышал то, что малая жертва за ошибку предотвращает большую беду?

– Но ты был неправ, – упрямо повторил Вей Ши.

Чет едва заметно улыбнулся. Встал, подошел к окну. Он любил стоять там теперь, ощущая ток жаркого воздуха с крыш и мостовых и влажно-прохладного от Неру.

– Подойди сюда, – попросил он. Раздались шаги, Вей Ши остановился рядом с ним.

– Это неправильные слова, – сказал Четери. – Хоть ты и на правильном пути, но путь этот не прям. Иногда только насилем можно остановить насилие, юный Ши. Как и показала прошедшая война. Это как встречным палом останавливают неукротимый лесной пожар. Зерна насилия, проросшие в не ограничиваемом ничем характере, как у тебя, часто можно задавить только насилем, показывающим, что человек не всемогущ. Ты мог обозлиться еще больше и полностью уйти ко злу, а мог перегореть и выплыть. Я рисковал, это правда. Но и ты прав в том, что насилие – это инструмент, который нужно применять в редких случаях. Так, чтобы оно не стало инструментом распушенности. И, главное, сильный не должен насилем *соблазняться*, как лекарь не должен решать все проблемы скальпелем.

Ученик слушал неподвижно и почти не злился.

– Часто насилие используют просто потому, что сильнее и никто за это не накажет. Но это слабые души, души, не понимающие, что сила накладывает и ответственность, а честь не в том, чтобы силу применить к слабому, а в том, чтобы держать ее под контролем. А в случаях, как с тобой, с теми, кому многое дано – тех и судьба потом карает страшнее, если они идут против основных правил. Почитай родителей. Не обижай слабого. Не проходи мимо тогда, когда нужна помощь.

– А какие слова правильные? – сдержанно спросил Вей Ши.

– Ты поймешь, – ответил Четери. – Поймешь и скажешь мне. Тем более сейчас, когда ты получил мой клинок. Я горд этим, Вей Ши. Никогда я не ошибался в выборе учеников, но твой дед заставил меня сделать выбор. Я сомневался. Но ты доказал, что судьба не зря связала нас с тобой ученичеством. И я рад, что это произошло – и созданный из моей ауры клинок принял тебя. Значит, судьба этой связью изменила мир.

– Я бы хотел взять оба, – глухо признался Вей Ши, и Четери удовлетворенно хмыкнул – чем дальше, тем больше открывался ученик.

– Подумай о том, что это было бы слишком просто, – посоветовал он, и от принца потянуло недоумением. – Разве тебе не интересно будет узнать, как ты получишь второй? – и, пока собеседник размышлял, Четери добавил: – Судьба знает, как связывать нити, Вей Ши. Видимо, в этом случае нужно было, чтобы были связаны не учитель и ученик, а учитель и два ученика.

Аура принца полыхнула красным и затихла. И Чет удовлетворенно качнул головой.

– Ты хотел еще что-то, Вей Ши?

– Да. Я хотел попросить у тебя совета, Мастер, – проговорил Вей Ши после паузы. – И рассказать о недостойном поступке, который я совершил. Я говорил тебе об этом. Сейчас я готов и мне нужен совет учителя.

Четери втянул носом влажный воздух.

– Пойдем-ка прогуляемся у реки, – предложил он. – И ты мне все расскажешь.

Глава 5

Они спускались к реке неторопливо, молча. Чет запоминал, как теперь выглядит его город, ступал по горячей мостовой, ловил движение ветров и восторженные приветствия людей, слушал шум восстанавливающейся жизни, остро ощущал запахи и пытался разобраться в мешанине стихий.

Жители Города-на-реке поначалу, когда он только стал появляться на улицах, пытались падать ниц либо кидаться целовать его руки для благословения. Первый раз он опешил, второй же зычно попросил в наступившей на рынке тишине:

– Люди Тафии, давайте я сначала помру, а потом вы уже на меня молиться станете. А сейчас лучшим благословением для нас всех станет работа на восстановление города и Обители. Увижу еще кого перед собой на коленях – выгоню к демонам.

Люди прониклись, а монахи Обители в тот день получили множество добровольных помощников. Чет говорил, что жители в своих домах тайно устанавливают алтари, где молятся то ли на него, то ли за него, и за углом дворцовой стены сделали место для подношений, но тут он уж махнул рукой – мало ли какие культы создают себе люди, главное, чтобы под ноги ему не кидались, и то хорошо.

И сейчас тафийцы склоняли головы, кричали: «Владыка, слава Владыке Четерии!», – но, слава богам, вели себя с достоинством и без оглушительного почитания.

Не любил Четери массового почитания. Тот, кого почитают, обычно очень одинок, ибо вознесся выше людей и не может просто общаться с ними.

Вей молчал.

Прошли они мимо рухнувшего дома, который разбирали пленные – и те, замерев, прикрыв головы ладонями так, чтобы не видно было глаз, тоже попадали на колени и уткнулись лбами в белую от каменной пыли землю, что-то бормоча. От них шли волны страха, неверия, любопытства, злости.

– Я слышал, что к одному из братьев Обители подходил их тха-нор и спрашивал: если ты победил их бога, Мастер, то можешь ли ты стать их богом? И какие жертвы надо тебе приносить? – проговорил Вей Ши.

– Я знаю, – невесело ответил Четери. – Во все времена были люди, которым нужен тот, за кем пойти, только чтобы не решать самостоятельно, как правильно жить. Я велел передать, что за кровавые жертвы буду убивать, и что восхвалять меня надо доброй работой и добрыми поступками. Насколько я знаю, братья уже занимаются миссионерством, так что есть надежда, что в свой мир эти люди унесут хотя бы основные заповеди. Хотя, – он хмыкнул, – книга Триединого существует уже больше двух тысяч лет, и кому когда она мешала творить зло?

Чет в сопровождении управляющего Эри ходил туда, где содержались и трудились пленные – в первые появления от них шли такие волны ужаса, что у него волосы на руках вставали дыбом. Они словно ожидали, что он тут же начнет их резать. А он смотрел на замершие силуэты людей, вдыхал нечистый запах их тел – хотя во избежание эпидемии их отводили к Неру после работы, выдавали мыло и заставляли мыться там, но пахли они иначе, – и удивлялся тому, что пусть запах отличается, но силуэты их мерцают той же витой, что и силуэты туринцев.

Знал он и о том, что вольный ветер Дармоншир, брат по воздуху, ведет сейчас переговоры с одним из генералов противника, укрепившегося на той стороне портала. И сам Четери был в этих договоренностях заинтересован – тысячи пленных тяжелой ношей легли на город, создавая угрозу бунта, и пусть и боялись Владыку, но их нужно было куда-то девать. И к Хиде нужно было сходить – пусть его ученик сможет пройти сквозь любую армию, но если можно будет войти и выйти спокойно, то зачем рисковать?

Нории должен был прийти в Тафию завтра, и завтра же все эти вопросы должны были решиться. А сейчас – Четери повернул голову туда, где должен был по памяти быть холм, на котором ранее располагалась Обитель – шла подготовка ко встрече. Должны были устанавливать шатер, а магистр Нефиди с коллегами из университета – обеспечивать щиты и безопасность.

Вей молчал. И только когда они вышли на песчаный берег, теплой стихийной зеленью обнимающий лазоревый ток великой Неру, где уже сидели рыбаки, мягко сияющие витой, Четери приказал:

– Говори, Вей Ши.

Рыбаки, поворачиваясь, склоняли головы, и дракон поднял руку, приветствуя их. От Неру несло тинной прохладой.

– У моего отца, до того, как он женился на моей матери, было три жены и почти четыре десятка наложниц, – начал Вей Ши, ступая рядом с Четери по влажному песку. – Все три будущие императрицы – дочери высокородных го-тунов, управляющих провинциями, чистота крови которых не вызывает сомнения до самого Ши. В их родах женились только на потомках Ши и других богов, ни одного простолюдина в предках не было...

Вей говорил и вспоминал, что рассказывали ему отец и мама, что узнавал он от придворных дам и бабушек-императриц.

Высокородные жены и наложницы приносили отцу только девочек, и все в семье смотрели на это с тревогой. Принцесс баловали и любили, но все чаще в семье вставал вопрос – не прогневался ли Великий Ши за что-то на своих потомков? Но Желтый праотец, склонный говорить метафорами, хранил по этому поводу молчание, благосклонности в прочих делах не лишал, деду укоризненно говорил: «Лотос цветет в покое, помнишь?», – и лишь после многих воззваний приснился отцу и сказал: «Ищи в сердце».

Дедушка, Хань Ши, бывший тогда еще молодым, крепким и куда более жестким, чем к концу жизни, уже думал закрепить своим указом, что если так и не родится у сына наследника, то старшая внучка выйдет замуж за сильного аристократа и уже их сын станет императором.

– Однако как-то в апреле, когда цвела степь, отец приехал с инспекцией в северную провинцию Оусинь, – говорил Вей Ши неторопливо, вспоминая, – и там он встретил мою мать. Она была простолюдинкой, дочерью пастуха, богатого, владеющего двадцатью табунами лошадей, но пастуха. Училась на ветеринара, приехала к родным на каникулы. И отец полюбил ее с первого взгляда.

«Она шла по степи и собирала цветы, и ветер играл в ее косах, – говорил отец маленькому Вею. – Так я встретил прекраснейшую женщину на свете».

– Так получилось, что отец тоже представился ей простолюдином. И она полюбила его как простолюдина. Однако, когда все вскрылось, она не захотела во дворец. И наложницей быть не захотела, хотя женщины простой крови могли рассчитывать только на это. Она была горда и неприступна, – продолжал Вей Ши, – и отец отступил, но он тосковал...

– А когда тоскует Ши, плохо всей стране, – понятно заметил Четери.

– Да, – кивнул Вей Ши. – Дед нагружал его работой, царедворцы предлагали ему других женщин, но он не мог ее забыть. В то время погибла его вторая жена...

...тогда говорили что-то о заговоре рода Вэнью, из которого происходила вторая супруга. О том, что желали они известить старшую жену отца, благородную Джиайо из рода Мэйдин,

чтобы вторая жена стала старшей императрицей и больше влияния род получил на правящий дом. И что должна была вторая жена, не зная этого, преподнести первой подарок – золотую пташку-артефакт, которая пела и летала, как настоящая, и веселила хозяйку, перебирая ей волосы. И в коготок которой было вделано вещество, превращающееся в контакте с любимыми духами старшей императрицы в яд, похожий на яд из ядовитых грибов, мгновенно останавливающий сердце.

Но, говорят, что вторая жена искренне любила первую, как сестра. И не знала о планах своих родичей. Потому, подарив пташку, о плохом не думала. И только велением рока объясняется то, что в один из дней старшая жена дала средней воспользоваться своими духами, а пташка царапнула именно среднюю.

Говорят, было разбирательство, и дед лично перетряс весь род Вэнью, отчего он поредел вдвое.

– А отец, даже не выдержав траур, вновь поехал в провинцию Оусинь. И украл мою мать со свадьбы. Родители ее, понимая, к чему идет дело, спешили выдать ее замуж, но не успели. Он ее унес, вопреки ее желанию, желанию ее родителей и желанию моего деда и своего отца.

– Разве сейчас в мире вне Песков принято выдавать девушек замуж велением родителей? – удивился Четери.

– В традиционных регионах всякое бывает, – ответил Вей Ши. – На нашем севере, частично в Бермонте, да и в эмиратах, и в Тидуссе такое повсеместно.

«Я долго сердилась на него, но твой отец нашел нужные слова и смог убедить меня, что нам не жить друг без друга, – говорила мать и обнимала маленького Вея. – А когда у меня появился ты, мой тигренок, я поняла, что он был прав. Ты, моя радость, мог родиться только в любви».

Она любила сына, а он обожал ее. Даже когда вышел из младенчества, прибежал к ней ночами, когда снились кошмары – юные Ши еще не могли управлять мощным наследием первопредка и слишком часто сила их принимала формы причудливые и странные. И тогда мама пела ему степные песни, брала его под горячий бок, дула в лицо и приговаривала что-то горланное. У нее в роду, впрочем, как у всех с севера, были шаманы, и мама умела успокаивать и заговаривать.

Но этого не стал говорить Вей Ши своему учителю. Слишком личными были эти воспоминания.

– Она смирилась, и родился я, – просто сказал он. – И это примирило с ней и отцом деда. Он сердился не потому, что мать была простой крови, а потому, что отец нарушил все мыслимые границы приличий, и пусть пресса у нас дисциплинирована, слухи об этом пошли по всей империи, высокие го-туны были оскорблены.

Но он простил моего отца и признал, что был неправ. Что Вечный Мудрец показал нам – гармония невозможна без любви, и, если уж встретил ее, не отворачивайся.

– А что говорит делать Великий Ши, если не встретил любовь? – поинтересовался Четери.

– Тогда живи так, как предписывает честь и традиция, – ответил Вей.

Четери с учеником ушли уже далеко – туда, где закончились белые стены Тафии, разбитые трещинами, и лес, покрывающий холмы, подобрался почти к самой кромке воды. Слева плескала рыба и кричали яркие утки, справа стучали топоры – то братья строили новую обитель. Чету по движению силуэтов, окутанных витой, видно было, как сквозь трещину в стене то и дело идут к холму простые люди с котомками и корзинами, поднимаются ослики с кувшинами с водой: жители Тафии подкармливали братию, державшую щит против иномирян,

столько помогавшую жителям и ныне оставшуюся без крова. Заодно перепало и иномирянам – монахи не могли оставить даже врага голодным.

Четери, быстро устав различать людей в буйстве виты тропического леса, повернулся лицом к реке, снял сандалии и ступил босыми ногами в воду. И поднял лицо к солнцу, прикрыв глаза по привычке. А Вей продолжал говорить.

– Мать стала первой императрицей из народа, первой, в которой не было ни капли божественной крови. Впрочем, никто из семьи и во дворце никогда ни словом не высказал своего неуважения, хотя ей поначалу было очень тяжело и пришлось учиться и традиции, и закону, фактически получать несколько образований. А среди простого народа это даже вызвало большую любовь к нашей семье – потому что она была из них. И занялась она делами простых людей, школами и больницами для бедняков, а также курировала и курирует до сих пор заповедники и приюты для брошенных животных. И дед мой всегда говорил мне, что кровь нашего первопредка так сильна, что не боится разбавления, а от настоящей любви только усиливается. И что он действительно боялся, что сила Ши будет ополовинена. Но я в младенчестве имел такую же мощную ауру, что и у отца в этом возрасте, а когда дед обратился за разъяснением к первопредку, тот ответил: «Истинная любовь раздувает силу не хуже, чем красная кровь». А еще «Вы все забыли, что я тоже взял жен из простого народа».

Четери уже понимал, что ему расскажут, и слушал с печалью. Подростки, особенно золотые, зацелованные, часто направляют боль своей трансформации из ребенка во взрослого наружу, на самых близких, любящих и заботящихся.

– С самого детства я знал, что я – долгожданное счастье семьи, – говорил Вей, подтверждая мысли дракона. – Меня любили, меня баловали, да и в нашем доме не принято ограничивать детей ничем кроме обучения. Дети Ши не умеют справляться со своей силой и часто случается так, что слуги... непроизвольно принуждаются к тому или иному действию. Но все знают и подготовлены, что такое может случиться, и потому за детьми всегда приглядывает кто-то из тетюшек. И всем известно, что непроизвольное подчинение случается только до двенадцати лет, пока не проходят дети Ши инициацию.

Вей помнил, как любил он веселиться. Как баловались они с родными и двоюродными сестрами и братьями, но, в отличие от них, под взглядом взрослых мгновенно успокаивающихся, он долго не впитывал традиции и правила своей семьи.

Поспособствовала этому невольно и мать, которая давала ребенку столько свободы, сколько он хотел и как было принято в ее бескрайних степях. Поспособствовали старшие сестры, обожавшие его, старшие жены отца, относившиеся с необычайной ласковостью, наложницы отца, тетки и придворные дамы. Они умилялись его шалостям, они никогда не ругали его, и каждая норовила похвалить и побаловать. И все это, конечно, было следствием гордости отца оттого, что у него наконец появился наследник, и любви деда.

Иногда, когда Вей капризничал или баловался, он тоже мог сделать нехорошее – принудить слугу к чему-то. Так, однажды он, будучи лет пяти, сердито воскликнул «сам ешь свою кашу!», и слуга, принесший кашу, взял ложку и принялся ее есть. И не остановился, пока всю не съел.

Тогда это не воспринималось чем-то недостойным. Конечно, их учили сдерживаться и контролировать свои мысли, а маме отец подарил кольцо-блокатор ментальных приказов, чтобы капризующее дитяtko, кричащее «Уходи!», не заставило ее уйти на самом деле. Но все, и члены семьи, и слуги, принимали всплески как должное, лишь качали головой от непоседливости юного наследника.

Вей Ши никогда не шалил зло, он просто не мог усидеть на месте. И не замечал подозрительных и странных взглядов, пока не услышал, как один из учителей в сердцах говорит другому после того, как принц разбаловался, не желая учиться, и опрокинул чернильницу с пером для написания иероглифов:

– В этом Ши красная кровь уж чересчур полыхает.

Вей был совсем мал – шесть лет – и, в очередной раз, когда дедушка взял его с собой на рыбалку, спросил у него, что это значит. Учителей он больше не видел, а дедушка объяснил ему, что была в роду Ши красная пра-прапрабабка, которая усилила род, но с тех пор стало в Ши больше ярости и гневливости. Однако же не стоит этому беспокоиться – с возрастом все нежелательные проявления будут сглажены благословением Великого Тигра, а что и останется, пойдет на пользу империи – ведь без ярости иногда никак.

– Я все больше погружался в учебу, – говорил Вей Ши, – я достигал мастерства во всем, за что бы ни брался. Я вырос, окруженный преклонением и уважением и принимал, что я велик уже по праву своего рождения. Пусть дед говорил мне о скромности и сдержанности, а учителя учили меня созерцанию и тому, что все внешнее – суета и наносное. Разве что только в поездках к родителям матери сталкивался я с тем, что передо мной не лебезили, однако же они, простые люди, тоже баловали меня сверх меры.

Вей вспоминал не только это, но и ощущение свободы в широких шатрах рода деда-скотовода, в беготне по бескрайним лугам, в поездках без седла верхом, прижавшись к спине матери. Помнил вкус лошадиного молока и долгие песни вечерами у костров, ватагу ребятишек, которые сначала дичились его, а затем приняли в свои игры. Вспоминал, как преображалась мать, чье белое лицо не по-дворцовому загорало, как сменялись сложные прически обычными косами и смеялась она, показывая белые зубы. Часто Вей с мамой задерживались там дольше оговоренного, но потом приезжал отец – и мать бежала к нему с радостью, и сам Вей бежал, и отец проводил там несколько дней – и уезжал, забирая их с собой в плавность, выверенность, правильность дворцовой жизни.

Давно Вей не был у родителей матери. С двенадцати лет. И только на коронации отца поклонился им, приглашенным, как особым гостям, поднес важные дары, сказал нужные слова – однако больше десяти лет они не виделись, и ощущал он, что робели бабушка и дедушка перед тем, каким стал Вей за эти годы.

– Я вырос и, осознавая величие рода и своей роли, становился все требовательнее к себе. Но и вспышки гнева проявлялись все чаще, а шумность сознания окружающих людей с каждым годом осознавалась все сильнее и все неприятнее она была. Я ждал малую коронацию с нетерпением. Малая коронация для наследников, представление первопредку для остальных детей Ши наполняет гармонией души и направляет личность в сторону тишины, самопознания и самосовершенствования. Мы познаем смирение и учимся ощущать мир.

Он помолчал.

– Однако я ее не прошел. Точнее, прошел не полностью. И это было первым разом, когда что-то пошло не по-моему, Мастер.

– Часто это становится местом для роста, – заметил Четери.

– Да, но я тогда этого не понимал, – отозвался Вей Ши, глядя на сияющую Неру.

Он совершенно не ожидал, что не пройдет малую коронацию – разве он, единственный, великолепный, талантливый, Ши до кончиков волос мог ее не пройти? Мог не встать в один ряд со своими предками, не подтвердить свое право на то поклонение, что сопровождало его?

– Я не могу рассказать тебе, что было на инициации, потому что это секреты моей семьи, – сказал Вей Ши глухо. – Лишь скажу, что я не прошел последний круг. Круг смирения. И пусть получил способность оборачиваться, усилил свои ментальные способности, стал четче чувствовать природу и людей, я так и не научился впадать в транс-медитацию, чтобы очищать разум и ставить стену между собой и ментальным шумом других людей. И тогда я впервые спросил себя – а вдруг это из-за того, что я наполовину простолюдин?

– Самый очевидный ответ для раненой гордости, – ответил Четери.

– Да, – коротко проговорил Вей Ши.

И пусть мама обнимала его и говорила, что один раз споткнуться не значит остановиться. И что это не главное в жизни, а главное – чтобы он был счастлив. Впервые он ее не понимал – что значит, не главное? Быть достойным наследником Ши – не главное?

И пусть отец рассказал ему, что тоже прошел не с первого раза и споткнулся раньше, на круге знания.

Пусть дед успокаивал его и говорил, что аура его по-прежнему не уступает ауре его отца в возрасте инициации, а, значит, он полновесный наследник Ши. Просто в его ауре красная составляющая особо сильна, и, видимо, это случилось потому, что он младший.

– Но не печалься этому, – говорил дед, – бывало уже, что будущий император рождался и вторым, и третьим, и в них тоже красного огня было побольше, чем хотелось бы. Ты обязательно пройдешь все испытания, положенные наследнику, ибо и такое у нас бывало ранее – не справлялись твои предки, но проходили, кто через год, кто через два. И через три бывало. И даже с большими коронациями такое случалось. Вспомни Лий Ши, который трижды пытался короноваться, и только на третий раз первопродок решил, что он готов. Такое бывало, когда будущий император недостаточно был силен и смирен для короны, и страна по несколько лет могла жить без правителя, пока тот приводил разум к гармонии.

Вэй держался, Вэй продолжал учиться, загоняя себя в еще более жесткие рамки, и дед хмурился, ощущая, что во внешне спокойном внуке тлеет и боль, и гнев, и обида.

Тяжело переживающий свою неудачу, опозоренный, как казалось ему, несмотря на любовь, принятие и поддержку семьи, Вей Ши не смог с достоинством пройти это испытание. В нем выросла и созрела злость, смешанная с обычным подростковым протестом. И пусть он любил мать самой преданной любовью, себя он, как выяснилось, любил больше.

И не утихомиривало его обиду даже то, что при дворе шептались не о простом происхождении матери, а о доле нежеланного огня в крови принца. Да и не могли они шептаться про мать – потому что даже дураку было известно, насколько силен ментально молодой принц, отдающий мысленные приказы так же легко, как его дед и отец. Всем очевидно было, что не ополовинила эта женитьба силу Ши. Но мысль о том, что виновато его происхождение, а, значит, мама, засела и не ушла уже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.